

ТОРИ РУ

АВГУСТ,
ВОСКРЕСЕНЬЕ,
— ВЕЧЕР

Тори Ру

Август, воскресенье, вечер

«Литнет»

2024

Ру Т.

Август, воскресенье, вечер / Т. Ру — «Литнет», 2024

На протяжении десяти лет Лера была лучшей ученицей и королевой школы, но появление в классе новенького все изменило. На него не действуют ни ее красота, ни уговоры, ни угрозы. Он раздражает и мешает жить. Как далеко она сможет зайти в своей ненависти, и ненависть ли это?

© Ру Т., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	41
Глава 15	43
Глава 16	46
Глава 17	50
Глава 18	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1

Горячее солнце лезет в глаза и игриво, но назойливо гладит по щеке. Я нашариваю на прикроватной тумбочке телефон, сверяюсь со временем и, выдохнув, снова утопаю затылком в мягкой подушке.

За окном колышутся узловатые ветви яблонь с набухшими зеленоватыми почками, в лоскуте насыщенно-голубого неба прячут черные птицы и медленно проплывают кучевые облака. Несмотря на раннее утро и понедельник, по венам курсирует неведомая, бодрящая энергия — новый день просто обязан восстановить мое душевное равновесие, утраченное накануне.

В доме царит тишина, но я все равно мучительно к ней прислушиваюсь и молюсь, чтобы ничто ее не нарушило.

На улице вдруг раздается хриплый, пронзительный крик петуха, и у меня холодеет душа.

— Только тебя, чучело пернатое, нам не хватало!.. — Я вскакиваю и захопываю раму, но, сколько ни вглядываюсь в заросшие сухим хмелем завитки соседского забора, разобрать ничего не могу. Прооравшись, невесть откуда взявшийся петух затыкается, дом опять погружается в благодное безмолвие.

Набрасываю халат и на цыпочках крадусь в ванную. Мама спит на диване в гостиной — скомканный плед наполовину сполз и почти скрыл из виду бумажные пакеты с логотипами дорогих магазинов, горкой сваленные на полу.

Из родительской спальни доносится раскатистый храп и перегар — вчера вернулся отец, он пробудет у нас до самого вечера, — и вся моя беззаботность вмиг улетучивается.

Забрав пару пакетов, я осторожно закрываюсь на защелку, тонкой струйкой пускаю теплую воду, умываю заплаканное лицо и, задумчиво уставившись в зеркало, долго-долго чищу зубы и расчесываю волнистую каштановую шевелюру.

Подарки отца — фиолетовый свитер из кашемира и темно-зеленая клетчатая юбка — садятся как влитые, но, если бы мне дали возможность выбирать, я бы купила для себя что-то другое. А их бы и вовсе не приняла.

На ходу запихав в рот бутерброд с сыром и колбасой, влезаю в пальто и ботильоны и, подхватив сумку, выбираюсь на теплый, пахнувший талой водой апрельский воздух.

У калитки ждет верный Илюха — помятый и всклокоченный, ветровка расстегнута, левый рукав вымазан в грязи. Он жует жвачку и болезненно морщится от солнца, но, завидев меня, застывает с открытым ртом, краснеет как рак и бубнит:

— Привет, Ходорова! Ты как всегда... сногшибательна.

Обхожу отцовский джип, припаркованный прямо на вымощенной камнем дорожке, и тяжело вздыхаю:

— Спасибо, Рюмин! К сожалению, о тебе того же сказать не могу.

— Да уж... Допоздна помогал дядьке в гараже, потом с пацанами посидели. А потом этим лохам с хутора нормально так навешали. Чтoб боялись! — Илюха плюет на грязное пятно, пробует его оттереть и тут же настораживается: — Лер, зацени-ка, там кто-то живность завел. Неужто Брунгильде полегчало?

Проследив за его взглядом, я становлюсь на цыпочки и снова всматриваюсь в глубины соседского двора, но, кроме полоумного петуха и пары кур, никого не нахожу.

— Да непохоже... Может, это сиделка постаралась?

Илюха пожимает плечами и трогается с места. До первого урока остается пятнадцать минут, и мы ускорям шаг.

Он достает телефон, наводит на меня камеру и засыпает дурацкими, каверзными и смешными вопросами. Он вечно все снимает — «ведет свою летопись» — и собирается когда-нибудь смонтировать полноценный фильм о нашей жизни.

Я отвечаю ему в тон и звонко хохочу, и близняшки из девятого с завистью и ужасом оглядываются.

Несмотря на глубоко посаженные глаза, мелкие темные кудряшки и склонность к полноте в детстве, Рюмин считается первым парнем в поселке Сосновое — он веселый, отмороженный и без лишних раздумий пускает в ход кулаки. По нему сохнут девчонки со всей округи, однако меня с ним связывает крепкая, проверенная временем дружба.

За выходные снег окончательно растаял, теплый ветер треплет волосы, взвивается ввысь и бьется в кроны вековых сосен. В домах вдоль центральной улицы кипит жизнь: хозяйки начищают окна, звучат хиты попсовой радиостанции, гремят цепями дворовые собаки, плачут дети, не желая собираться в детский сад.

Впереди белеют стены православной церкви, а рядом с ней притулилась наша ветхая кирпичная двухэтажная школа.

Время в Сосновом будто не движется, здесь никогда ничего не случается и не меняется — однако событие, выходящее из ряда вон, две недели назад все же произошло. Нашу директрису Анну Игнатовну, ту самую Брунгильду, энергичную и еще не старую, прямо на рабочем месте разбил инсульт — теперь она лежит дома парализованная, и дважды в день к ней приезжает соцработник из Задонска. Поговаривают, что дела у Брунгильды плохи, к работе она уже не вернется, значит, в следующем году из районного бюджета не выделят средства на школьный ремонт.

Становится невыносимо грустно: неужели построенная в позапрошлом веке школа, как и Брунгильда, доживает последние деньки?... Больше никто о ней не позаботится, и после нашего выпуска ее точно закроют, а немногочисленных сосновских учеников переведут все в тот же Задонск — наш райцентр.

— Да, жалко Брунгильду... — шмыгает носом Илюха и глухо цедит сквозь зубы: — А Маринушка, дочура ее, и правда с гнильцой — бросила беспомощную мать в беде. Хотя... Лучше пусть эта шалава сюда не суется. Рады ей не будут.

Когда-то давно, в далекой юности, Марина чуть не увела из семьи Илюхиного отца. Слухи до сих пор змеями ползают по округе, но я в них не вникаю — даже если что-то и было, это уже не имеет значения. Про нас тоже многое сочиняют.

— Так она же где-то в Москве живет, Илюх. Да и отца твоего давно нет на этом свете.

— И хорошо, что в Москве. Иначе я бы всей ее семейке устроил «дольче виту».

— Рюмин, Ходорова, здорово! — Нас нагоняют Ринат Аитов и Владик Рошин, радостно скалятся и затягиваются сигаретами, и я, степенно кивнув им, спешу к поросшему мхом крыльцу.

— Лера, доброе утро! — Завидев меня, девчонки бледнеют, перестают чесать языками и благоговейно улыбаются — я прекрасно знаю, как они на самом деле ко мне относятся, но мой статус незыблем. Я работала на него девять гребаных лет и теперь имею полное право почивать на лаврах. Так что девочкам тоже хватает снисходительного кивка.

— Лера-холера! — орет выросший откуда-то из-под земли конопатый первоклашка, и я злобно шиплю:

— Потеряйся, убогий.

Илюха тут же хватается за красное ухо и с хрустом выкручивает.

— Че ты сказал, шкет? А ну извинился! Быстро! Косарь с тебя завтра, в это же время, понял? Кому-нибудь пикнешь — завалю.

Мелкий ноет, послушно просит прощения и, накрыв пострадавшее ухо ладошкой, отбегает на безопасное расстояние. А зазевавшуюся в проеме лохушку Ингу я сама со всей мочи дергаю за патлы и сметаю с пути решительным тычком в ребра.

Нужный градус страха поддержан, школьная жизнь продолжается своим чередом. И пусть однообразие иногда вызывает желание взвыть, оно же успокаивает и обнадеживает.

Я сажусь за третью парту в первом ряду, выуживаю из сумки учебник и, полистав, нахожу заданный параграф.

Звенит охрипший звонок, грохот стульев и крики учеников смолкают — только ошалевшая муха жужжит между пыльными рамами да математик с упорством маньяка скребет мелом по доске.

Бесшумно раскрывается дверь, и в кабинет торжественно всплывает наша классная, за ней следом вваливается высокий русоволосый парень в черном костюме с иголки и кипенно-белой рубашке. Уставившись в пол, он смиренно замирает за плечом Раисы Вячеславовны, и душное помещение заполняет шепот и гул голосов. Грянула сенсация местного значения: в конце учебного года к нам определили новенького!..

Впервые за все десять лет.

Я стараюсь не показывать интереса, да новенький его и не вызывает — обычный напряженный ботан в скучных шмотках и со спортивным рюкзаком.

Разочарованно усмехаюсь и барабаню длинными ногтями по столу, но парень вдруг поднимает голову и враждебно пялится.

Я заглядываю в его темные, будто совсем без радужки, глаза и обжигаюсь об осознание: а он неплох... Нет, он обезоруживающе, убийственно красивый. Дерганный. Сложный. Нездешний. Другой...

— Знакомьтесь: Волков Ваня! — представляет его Раиса, натягивает самую широченную из улыбок и с нажимом продолжает: — Надеюсь, вы с ним подружитесь, дорогие ребята!

Глава 2

Главная в школе — я, и интерес пришельца должен достаться именно мне, но новенький быстро проходит на галерку второго ряда, садится возле лузерши Инги Бобковой и всем своим видом показывает, что не намерен трепаться и заводить здесь друзей.

Занятия тянутся до безобразия долго. В голове гудит, мысли то растекаются густым киселем, то пускаются в бодрый галоп. Мне нужно постоянно держать новенького в поле зрения и наблюдать за сдержанными плавными жестами и уставшим бледным лицом.

Этот Волков и вправду изрядно напоминает чистенького отличника, но ровно до тех пор, пока не вперяет в человека черный, жуткий, неподвижный взгляд. Из него тут же лезут сломленность, глухая ярость и темная притягательность — такая мощная, что я впадаю в шок, а следом — в уныние. Впрочем, я такая не одна — смятение на лицах девчонок непередаваемо.

Но унывать мне никак нельзя — слабость вожака считается стаей на уровне инстинктов, поэтому я, обворожительно и дерзко улыбаясь, на каждом уроке поднимаю руку, плавно покачивая бедрами, проплываю по ряду, уверенно отвечаю у доски и получаю заслуженные пятерки.

Илюха шумно и прерывисто вздыхает, Владик и Ринат откровенно глазекуют на мою грудь, девчонки бессильно злятся, а новенький... тупо не обращает на меня внимания. Вообще.

Зато вполне мило общается с зашуганной соседкой по парте, которая, кажется, и говорить-то толком не умеет, и я внезапно догоняю значение отцовской любимой поговорки...

«Что, Валерка, локоть близко, да не укусишь?» — по пьяной лавочке обожает глумиться папаша, и еще одна неразрешимая проблема валуном падает на плечи. Он сейчас дома и уже наверняка успел смешать пиво и коньяк.

На последней перемене я, проигнорировав необходимость надеть пальто, вытряхиваюсь на улицу, с удовольствием глотаю свежий теплый воздух и иду к курилке.

Благодаря стараниям Брунгильды, в нашей школе учатся почти триста человек — кроме поселковых, сюда каждое утро на желтых автобусах привозят детей со всех окрестных сел и деревень. У нас нет «классового расслоения» — на перекурах и совместных пьянках тусуются и восьмиклассники, и будущие выпускники. Вот и сейчас в курилке «общий сбор» — парни осторожно обсуждают появление чужака.

— Как вам этот Волков?

— Борзый какой-то.

— А по мне, вроде ниче.

— А вот сегодня и проверим! — От небольшой толпы отделяется внушительная фигура Илюхи и направляется в мою сторону.

Рюмин кидает окурок точно в урну, делится со мной половинкой мятной жвачки и напряженно заглядывает в глаза:

— Лер, ты чего понурая? Что-то случилось?

— Отец приехал, этим все сказано... — От простого участия у меня кривятся губы и наворачиваются слезы. Утыкаюсь носом в пахнущее сигаретным дымом плечо лучшего друга, всхлипываю и безудержно реву, и большая жесткая ладонь гладит мои волосы. — Всю ночь уму-разуму учил, довел до истерики. Придурок...

— Да, я утром видел его тачку. Хреново, Лер, но он же ненадолго?

— Слава богу, сегодня вечером отвалит.

— Понял. Значит, ты все же сможешь без проблем выйти из дома.

Шестым уроком русский язык, и Раиса, допив в учительской чай, по звонку вбегает в класс одновременно с нами.

— Ванечка, ну как? Влился в коллектив? — первым делом тревожится она, и новенький, почтительно встав, до мурашек приятным голосом произносит:

— Да, Раиса Вячеславовна, я очень рад, что меня зачислили в ваш класс.

Я до нежного хруста в позвонках сворачиваю шею и снова зависаю на его словно вылепленном из гипса лице, но он смотрит сквозь меня, а потом и вовсе садится и утыкается в учебник. Щеки Раисы трогает еле заметный румянец.

— Ванек, сегодня вечером мы собираемся у поезда — потусить. Давай с нами! — предлагает находчивый Илюха. Аитов и Рошин горячо поддерживают его идею, а девочки восторженно пищат — попробовали бы они не запищать.

— Да, Илья, отличное предложение! — вторит им училка. Волков, которого явно застали врасплох, двигается к сгорбленной Инге и, не слишком натурально играя в скромность, выдает:

— Я приду, только объясните куда. И при условии, что Инга тоже пойдет.

Потрясенная Бобкова скрючивается еще больше, но тут происходит невероятное: все мои верные друзья, фанаты, воздыхатели и подражатели разом забывают о моем присутствии, переключаются на нее, вспоминают имя и начинают умолять:

— Да, Инга, пойдем! Будет круто! Ну пожалуйста...

Просияв, та на манер сувенирной собачки качает и качает головой, а мой привычный, уютный мир покрывается опасными трещинами.

Чем его покорила эта дистрофичная серая мышь с жиденькими волосами? Вечно заваливает письменные задания и тесты и не может перекричать блеяние Рюмина, которым тот сопровождает ее устные ответы. Она боится поднимать руку, отказывается выходить к доске, и ей щедро лепят двойки.

Зато Ваня... интересуется меня. Очень.

Может, потому что он — новый человек в нашем захолустье? Или потому, что на нем мое отточенное мастерство обольщения дало сбой?

Я не знаю, какая деталь во мне вышла из строя, но настолько тревожно, противно и горько мне не было еще никогда.

Глава 3

Слишком бурная реакция на неудачи — корень всех моих бед.

Не только я жажду Ваниной заинтересованности. Однако с ним все странно, мутно и покрыто завесой тайны.

Школа весь день бурлила: Раиса туманно намекнула, что Волков — очень талантливый парень и приехал издалека, но попросил об этом не распространяться, девчонки упорно искали его страницу в соцсетях и нашли только какое-то неактуальное старье, парни посматривали на него с задумчивым любопытством. Рюмин мрачно отмалчивался. Сам же виновник переполоха вел себя подчеркнуто вежливо и дружелюбно.

Новенький пробыл тут всего день, а последствия уже плачевны — своей загадочностью и парой ничего не значащих фраз он произвел настоящий фурор, перетянул все внимание на себя и эту дурнушку Ингу, а я осталась не у дел, потеряла контроль над ситуацией и ощущаю острую нехватку кислорода.

Несколько лет назад я читала статью о причинах быстрого распространения ковида — пожилой ученый объяснял их тем, что люди еще не успели адаптироваться к новому вирусу, а вирус — к людям. Произошла «встреча незнакомцев», вызвавшая сбой в работе человеческого иммунитета и ужасающую, катастрофическую пандемию.

Появление Волкова в нашем замкнутом сонном мирке представляется мне чем-то подобным. Возможно, этот факт стоит просто прожить и принять, но присмотреться тоже не мешает.

Спотыкаюсь о торчащий из земли железный прут, шмякаюсь на коленки и шиплю от тупой боли. Колготкам конец, на грязной разорванной ткани проступают капельки крови. Хромая и чертыхаясь, как побитая собака ковыляю домой. Я даже рада, что Илюха остался с пацанами — не мчится меня выручать, не стоит над душой и не окружает назойливой заботой.

Отворяю кованую калитку и тихонько просачиваюсь в засыпанный белым щебнем и украшенный молодыми туями двор.

Джип переместился в гараж, из приоткрытого кухонного окна раздаются громкие голоса, и мышцы мгновенно сковывает от напряжения — отец наверняка развалился за столом, заливал в глотку дорогой коньячище и кроет деловых партнеров отборным матом, а мама внимательно слушает, кивает и прислуживает ему на манер официантки.

Бизнес папаши базируется в областном центре за триста километров отсюда. Для удобства он прикупил себе двухуровневую квартиру в элитном районе, а к нам навещается только по понедельникам или вторникам, и я ненавижу эти чертовы дни.

В надежде тайком проскочить в свою комнату и спокойно дожидаться отцовского отъезда, быстро разуваюсь, но план с треском проваливается — папаша меня замечает:

— Валерка, ты чего не здороваешься?!

По одной лишь интонации я понимаю, что он уже в стельку, значит, сейчас последует экзекуция. Набираю в легкие побольше воздуха и смиренно тащусь на кухню.

Мама дрожащими пальцами комкает полотенце и кисло мне улыбается.

— Привет, пап! — Занимаю стул за дальним концом стола и с благоговейной признательностью смотрю в красные прозрачные глаза родителя.

— Ну че, угадал с размером? — Он откладывает вилку с нанизанным на зубцы куском шашлыка и оглядывает мой прикид.

— Конечно угадал, пап. Ты не представляешь, как я обрадовалась, когда надела!..

— А почему тогда прячешься? — крикает он. — Как так? А?

Я вжимаю голову в плечи и лепечу:

— Хотела сначала сумку положить... А вещи правда отличные, классно смотрятся...

Папаша прищуривается, но должного восторга в моем блеянии не улавливает и хрипит:

— Пустомеля. Безмозглая дура! У тебя есть хоть какие-то интересы, кроме шмоток? — Он заводится и орет так, что на бычьей шее вздуваются жилы. — Думаешь, раз десятый класс, можно расслабиться? Пацаны спрашивают: что да как, как дочка, а мне и ответить нечего! За каким я пашу как вол и спускаю на вас все бабло? Ты носишь мою фамилию и должна быть лучше всех! Я тебя обеспечиваю, за остальное отвечаешь ты, поняла?

Я задыхаюсь от обиды и чувства протеста и до побеления костяшек сжимаю кулаки. Хочется выкрикнуть, что приезжает он к нам только для того, чтобы напиться, показать превосходство, самоутвердиться и спрятать от любовницы часть налички в смывном бачке, но я молчу. И ему не нравится мой взгляд.

Мерзко улыбаясь, он смахивает со стола приборы и посуду и, под звон и грохот, повелевает:

— Собирай.

Я не двигаюсь.

Через секунду оглушительной тишины ко мне подлетает мама и пытается смести осколки веником, но отец, не сводя с меня глаз, лупит ладонью по столу, багровеет лицом и рявкает:

— Собирай, я сказал! Устроили тут! Гребаный курятник!

Кошусь на мамину умоляющую физиономию, сползаю со стула и, опустившись на разбитые коленки, голыми руками сгребаю острые осколки и высыпаю в приготовленный мамой мешок. Отец долго и пристально наблюдает за действием, вздыхает и ерошит мои волосы:

— Ладно, Валерка, хватит, а то порежешься. В общем, так. Я через неделю приеду. И чтобы к тому моменту ты придумала, чем займешься. Дело должно быть серьезное, а не эти тряпки и цапки. Доложишь! — Он сверяется с массивными золотыми часами на широком запястье, встает и, шатаясь, тащится к дверям. — Поеду, Том.

— А если на дороге остановят? — По какой-то неведомой причине мать продолжает о нем тревожиться, и это действует на него магически.

— Не волнуйся, зай. Зря, что ли, мой кореш Сашка — полковник полиции?

Скриплю зубами от злости и вселенской усталости, но тоже поднимаюсь на ноги.

Папаша примирительно нас обнимает, целует в щеку воняющими перегаром и луком губами и отваливает, снаружи визжат гаражные ворота и урчит мотор, а у меня от облегчения случается истерика.

— Почему ты терпишь его, мам?! Почему не разведешься? Весь поселок говорит, что у него там другая, и она из него веревки вьет, а ты... тупо молча унижаешься. Я не хочу так жить, мам. Я больше не выдержу!

Мама сжимает в линию бледные губы и отчеканивает:

— Хорошо, Лера, принимается. Только ответь мне на один-единственный вопрос. Ты любишь этот дом, дорогие духи, вкусную еду и брендовые шмотки? Так вот. Без него у нас их не будет. И пока я делаю вид, что у Ромы никого нет, ни у кого из знакомых не хватает духу над нами смеяться.

Я безнадежно проигрываю дуэль наших взглядов — в висках стучит, рвущийся наружу вопль отчаяния раздрает горло, но я неимоверным усилием воли его подавляю.

На ходу зацепив забытую отцовскую зажигалку, сбегая в комнату, раскрываю шкаф и сгребаю в кучу вещи и обувь, однако мама настигает меня и ловко заламывает за спину руку:

— Ты что удумала, ненормальная?

— Собираюсь все это сжечь и не быть перед ним в долгу!!!

Зажигалка легко перебирается в карман маминых спортивных штанов, мама отходит в сторонку, а я оседаю на пол. Зубы отбивают дробь.

— А чего ты хочешь? Жить как я? Нет? Тогда не расхолаживайся. Одиннадцатый класс и выпуск не за горами. Может, папа и перегибает с методами, но с лихвой компенсирует мораль-

ный вред. Уничтожив вещи, кому ты сделаешь лучше, Лер? Просто подумай об этом. Хорошенько подумай.

Мама благо разумно оставляет меня в одиночестве и плотно прикрывает за собой дверь, а я упираюсь затылком в холодную стену и рассматриваю гладкий белый потолок.

В восьмом классе я вела страницу в соцсети и врила многочисленным подписчикам, что живу в Москве. Я и там была лучшей во всем и блистала, а мой фирменный макияж назывался «Королева эльфов». Но меня подловили на лжи и прозвали сельской королевой. Долго хейтили, преследовали в личке, высмеивали, сводили с ума. А я всего-то пыталась вырваться отсюда, пусть даже мысленно.

Здесь нет ничего, кроме сосновых лесов, непролазных болот с россыпями черники и огромного водохранилища, воды которого — то нежно-голубые, то тревожно синие, безжизненно черные или скованные льдом — простираются до самого горизонта.

На берегу растут ветлы и покоятся лодки — сломанные и трухлявые. Когда-то на них передвигались охотники и рыбаки, но уже очень давно никто в Сосновом не занимается промыслами.

Чтобы жители окончательно не озверели от праздности, стараниями Брунгильды на песчаном пляже появились беседки и лавочки, а рядом с церковью поставили списанный зеленый локомотив с пассажирским вагоном, цистерной и платформой для перевозки грузов. По задумке директрисы, в поезде должен был открыться музей железных дорог, но, пока она добивалась на него дополнительных субсидий, локомотив заржавел, вагон разворовали, а зону отдыха загадили.

Развлечения молодежи не отличаются разнообразием: летом мы купаемся в ледяных водах водохранилища и сидим на обломках тех самых лавок, а когда идет дождь — прячемся в раскуроченном вагоне. Ну а зимой проникаем в ветхую баню одинокой, выжившей из ума бабки-ведьмы, обитающей в халупе у берега и, подкинув в печку пару поленьев, устраиваем шумные вписки.

Одни и те же лица. Одни и те же занятия и разговоры... Все здесь пропитано скукой, люди больны ею и уже не стремятся покинуть эти края, а пределом их мечтаний является переезд в сотысячный Задонск.

А новенький, он... как свалившийся с неба инопланетянин, который, если захочет, может рассказать о других мирах и реальностях и даже забрать с собой. И я бы признала, что он гораздо интереснее меня, если бы имела право на слабость.

В стекло ударяется мелкий камешек, кто-то тихонько, но требовательно свистит. Я вскакиваю, стираю ладонью слезы, отодвигаю штору и в ярком свете оживших окон соседнего дома вижу всклокоченную Илюхину голову.

— Ле-ер, готова? — хрипит он. — Давай резче, я уже минут десять жду!

— Один момент! — Метнувшись к зеркалу, я быстро крашу губы, подвожу опухшие глаза карандашом и влезаю в джинсы и свитер.

Глава 4

Мама как ни в чем не бывало наводит порядок на кухне и увлеченно болтает по телефону с тетей Яной, главной разносчицей поселковых сплетен. Та работает парикмахером и пилит ноготочки в крутом салоне в райцентре, и завтра мама поедет в Задонск — тратить отцовские деньги, наводить красоту и зависать с ней за рюмкой чая в шашлычной.

Крикнув с порога, что иду гулять с Илюхой, застегиваю пальто и ботильоны и, несмотря на еле слышную боль в коленях, легко выпархиваю в весеннюю ночь.

Ветер по-прежнему исступленно треплет макушки черных сосен, но он теплый и пахнет маем — клейкими тополиными почками, хвоей и смолой.

Илюха спрыгивает с соседского заборчика, откашливается, с загадочным прищуром наводит на меня камеру телефона и учтиво подставляет локоть.

— А вот и наша Лера, и она — просто огонь. Сегодня, впрочем, как и всегда, она всех уделает! — Рюмин умеет льстить и задевать за живое — в такие минуты я вспоминаю, насколько он мне дорог, и готова его расцеловать. — Ну, как ты? Роман Геннадьевич уехал?

— Угу. — От упоминания папашиного имени меня передергивает. — Сутки издевался и донимал мать упреками, сорвал свою злость на мне, сел за руль пьяным в слюни и смотался. Как же он достал... Знаешь, Илюх, иногда я ловлю себя на мысли: если он разобьется, я не расстроюсь!

— Да брось, — бубнит Рюмин. — Мой вот — разбился. Хоть он и был полным придурком, я бы все равно предпочел, чтобы он остался жив.

Чуть крепче сжимаю его твердый бицепс и вздыхаю. Илюха посвящен во все мои проблемы, а я — в его, мы стараемся поддерживать друг друга хотя бы словом. Так повелось с раннего детства: мы терпели обиды от взрослых и как могли утешали друг друга. Да и теперь от нас ни черта не зависит.

Мы сворачиваем на центральную улицу, я убираю руки в карманы и отхожу от Илюхи на полшага.

Фонари рассеивают розоватый неоновый газ, в открытых форточках бормочут телевизоры и шумит вода, наши длинные тени извиваются далеко впереди — обогнали нас и почти доползли до места тусовки.

Илюха увлеченно рассказывает о том, как поставил на счетчик припадочного тихоню Карманова, однако я не вслушиваюсь — манерно улыбаюсь в фиксирующую события камеру и машу ручкой. Я волнуюсь как малолетка перед первым свиданием — ответы невпопад перемежаются нервными смешками, ноги дрожат, а в солнечном сплетении невнятно трепещут крылышки ночных мотыльков.

На пляже грохочет музыка, кто-то визжит и хохочет, и Илюха радостно сообщает, что народ уже, по ходу, подтянулся.

— Весь? — будто невзначай спрашиваю я, и сердце заходится.

— Сейчас узнаем. — Он неопределенно пожимает плечами, и я больше не рискую задавать уточняющие вопросы.

Я опять обескуражена своей реакцией на предстоящую встречу с новеньким и пытаюсь реанимировать отказавшую логику.

Разве у нас в поселке нет симпатичных мальчишек? Внук Белецких вполне ничего, правда, поступил на медицинский и в сентябре отсюда уехал, Владик Рошин тоже пользуется успехом, но Илюха — самый крутой и эффектный. Однако даже он знает, что меня цепляют исключительно плохие парни — с татухами и темными пятнами в биографии. А уж молчаливые ботаны в строгих костюмах — и подавно не мой типаж.

Однажды Илюхин дружок Ринат без памяти влюбился в девчонку из Задонска и сох по ней целый год, но, стоило им познакомиться поближе, очарование тут же улетучилось — она оказалась не умнее буханки белого хлебушка.

Вот и мне нужно перекинуться с новеньким несколькими фразами и с пристрастием рассмотреть — наверняка от него воняет потом, на носу обнаружатся прыщи, а в беседе со мной он не свяжет и пары слов. Этого будет достаточно, чтобы морок развеялся. Сто к одному: Волков такой же зануда, как лохушка Бобкова, — неспроста он нашел общий язык только с ней.

Ко мне возвращается боевой настрой, и я гордо расправляю плечи. Это же я — Лера Ходорова, Лера-наваждение, Лера-заноза, Лера-холера, я проникаю под кожу, в мысли и кровь, от меня невозможно отделаться!

Крайние дома остаются позади, в сумраке маячат белые стены каменной церкви, очертания локомотива и вагонов, но я быстро переключаю внимание на освещенную парковым фонарем площадку для отдыха.

На ней собралось человек двадцать пять — по одежде опознаю девчонок из девятого, наших одноклассников и банду с нижнего порядка. Колонка-бочонок хрипит и подпрыгивает от мощных басов, в мангале переливаются оранжевые огоньки, перенесенный из беседки стол заставлен бутылками, банками и стаканами и окружен сломанными лавочками. В воздухе витает запах дыма, розжига для угля и горелых сосисок.

А чуть дальше раскинулось огромное, безмолвное и величественное черное зеркало, перетекающее на горизонте в звездное небо.

Илюха с воплем забуливается в толпу, опрокидывает стопку водки, стучается кулаками с парнями, стискивает в объятиях девчонок. Я степенно киваю и подмигиваю присутствующим, великодушно принимаю подношение в виде банки пива и метко стреляю глазами. На самом деле я мучительно ищу Волкова, не нахожу и натурально впадаю в отчаяние, но внезапно он обнаруживается буквально в двух шагах.

Он в черной толстовке с принтом в виде черепашки и надписью Toxic на груди, ветровке, драных джинсах и кедах, и в таком виде вполне тянет на модель или известного блогера. Дистрофичка Инга, восседающая рядом с ним, сияет ярче фонарной лампочки, и, стоит признать, у нее красивые глаза...

В горле вырастает болезненный комок, и я с трудом его проглатываю. Прикладываюсь к своему пиву, падаю на жесткую лавку напротив и поправляю прическу.

Сладкая парочка в центре событий, на Волкова со всех сторон сыплются вопросы, и он успевает коротко отвечать:

- Ваня, как тебе Сосновое?
- Пока не понял, но природа поражает.
- Хочешь пива?
- Сегодня воздержусь.
- Так откуда ты? Открой секрет, мы же не отстанем!
- Раньше я жил в Москве.

Я почти слышу, как щелкают отпавшие челюсти ребят.

— Да ладно... А почему приехал к нам?

— Бабушка заболела.

Он держится расслабленно и просто, но уже стал звездой этого вечера. Инга, словно рыба-прилипала, льнет к его плечу, краснеет и смущенно опускает лицо.

Бесит. До изжоги. До тошноты. До зуда в сжатом кулаке.

Рядом со мной плюхается запыхавшийся Илюха и тихо цедит сквозь зубы:

— Лер, захлопни рот, а то комар залетит. Не поверишь: это внучок Брунгильды. Твой новый сосед.

— Серьезно?! А что за манифест у него на толстовке? Фанат Бритни? Любитель старины?

— Скорее предупреждение, что он паскудный и скользкий. Явно не в бабку. Весь в Мариношку.

Пока я перевариваю сенсационные новости, кто-то из ребят успевает сложить два и два:

— Анна Игнатовна, часом, не твоя бабушка? Да?.. Значит, ты бывал у нас и раньше?

— Нет, раньше она сама к нам приезжала.

— Как она себя чувствует?

— Плохо.

— Надо бы ее навестить...

— Это не самая лучшая идея, чуваки. Она никого не узнает.

Ваня рассказывает о тяжелом состоянии парализованной, о Москве, о прежней школе, и я подпадаю под гипноз приятного голоса. В этот момент я всей душой сочувствую нахохлившемуся Илюхе — Волков перетянул на себя интерес даже его верных прихвостней, и у Рюмина нет против него козырей.

В небе белеют холодные звезды, за шиворот пробирается озноб. Я слишком внезапно поменялась местами с Бобковой и рискую без боя смириться с новым статусом — статусом незаметной лохушки.

Хлопаю в ладоши и звонко выкрикиваю:

— Народ, отвяжитесь от Волкова! Мы трепаться пришли или отрываться?

Я проворно вскакиваю, выкручиваю звук колонки на максимум, выбегаю на выложенную брусчаткой площадку и отпускаю тормоза. Девочки нехотя присоединяются к танцу — Ваня занял все их мысли, но они не имеют права не поддержать мою инициативу, за ними подтягиваются и парни. Илюха опять наводит на меня камеру, и я выдаю такого огня, что перевозбужденные малолетки из банды улюлюкают, свистят и воют от восторга.

Мы больше часа скачем под музыку, глушим пиво, подпеваем в припевах песен и перехватываем из мисок подгоревшие сосиски, а Волков так и сидит рядом с Ингой — что-то долго ей рассказывает, подает чипсы и помогает отвинтить крышечку с газировки. В один из моментов он снимает ветровку и набрасывает на ее узкие плечи.

Я дергаюсь и шиплю, как от отцовской оплеухи, — уязвленное самолюбие требует возмездия и скорейшего восстановления правопорядка.

Быстрый трек сменяется медляком, верный Илюха, проследивший за моим взглядом, понимающе кивает и, срывая связки, орет на весь пляж:

— Внимание: белый танец! Дамы приглашают кавалеров!

Глава 5

Благодарно улыбнувшись своему лучшему другу, я решительно сметаю с пути ринувшуюся к Ване дуреху Петрову и, тряхнув пышной гривой, предстаю перед ним во всей красе. Голубки прекращают шептаться, Волков поднимает на меня огромные черные глаза и ошалело пялится, а мое струхнувшее сердце мгновенно уходит в пятки.

— Я не танцую! — предвосхищая мой вопрос, выдает он, но тут же примирительно добавляет: — Не умею, прости.

— Вообще-то, от белого танца нельзя отказаться. — Отступать некуда, я топорно вру и, скорее всего, выгляжу глупо и жалко. Его прилюдный отказ будет поистине унижительным, а унижений мне сегодня хватило сполна и дома... Переминаюсь с ноги на ногу, беспомощно хлопаю ресницами, готовлюсь к мучительной смерти от позора, но Волков прищуривается и, кажется, просекает, что я тону.

— Хорошо. — Он встает, извиняется перед Ингой и неспешно идет к площадке. Разворачивается, вырастает передо мной и обхватывает горячими ладонями талию. От его внезапной близости и тепла происходит необъяснимое — из-под ног резко уезжает земля. Чтобы не упасть, я в смятении повисаю на его шее.

Он едва заметно отстраняется и увлекает меня в волны неспешного регги.

Я подчиняюсь каждому движению Волкова, в оцепенении рассматриваю его острую скулу, приоткрытые губы, шнурок капюшона и жилку, пульсирующую на шее. От него пахнет моим любимым миндалем и латге с карамелью, и стук сердца в ушах превращается в монотонный гул. С землей определенно что-то не так — теперь я от нее отрываюсь, подлетаю ввысь и парю над черными соснами...

Молчать рядом с ним опасно и совершенно невыносимо, и я неуверенно пишу:

— Почему ты сказал, что не умеешь танцевать?

— Потому что «не умею» — самая лучшая отмазка, когда не хочется что-либо делать.

Он ухмыляется, и мятное дыхание щекочет кожу над моим пылающим ухом.

— Вы теперь встречаетесь? Ну... с Ингой.

— Мы теперь дружим.

— Серьезно? Как такое возможно? Она же... вообще не красавица.

— Она интересная и очень умная. И вполне симпатичная.

Медляк заканчивается, шарканье подошв по брусчатке стихает, а я категорически не хочу возвращаться в реальность и вцепляюсь в мягкую ткань Ваниной толстовки. Над берегом тут же раздается следующий трек, еще более романтический и длинный — наверняка Рюмин нашаманил.

— Вот, значит, как. — Я не могу сдержаться. — А что ты думаешь обо мне?

— А я должен думать о тебе?

Его жестокие слова застают врасплох, и я еще сильнее завожусь:

— Нет. Не должен. Но это вопрос, а на вопросы принято отвечать.

— Окей. Ты... нормальная.

— Всего-то?... Вообще-то, я самая лучшая ученица в школе и самая крутая девочка в поселке!

В его черных глазах пляшут отблески огня и отчетливо читается насмешка.

Только прорывчав эту запальчивую фразу, я понимаю, насколько комично она прозвучала. Сельская королева...

Там, откуда он родом, такой «крутизны» пруд пруди.

Кусаю губы и затыкаюсь. Досадно и больно до слез, и занудная композиция подходит к концу.

На последних аккордах он меня отпускает, рукав на его предплечье на мгновение задерживается, и я цепляюсь взглядом за витиеватую надпись: «I will never...»

Мамочки, у него еще и тату!..

Народ возвращается к лавочкам, наполняет стаканчики пивом и бодро чокается, а я кутаюсь в тонкое никчемное пальто и адски мерзну. Только что произошел самый странный «обмен любезностями» в моей жизни, и я его безнадежно слила. Волков отвалил, не дав мне договорить, но этой выходкой определенно позволил сохранить лицо.

Илюха пристально смотрит на меня с нашей лавочки, хмыкает, отщелкивает окурок и объявляет:

— А теперь время традиционной, исконно сосновской забавы! Итак... «Бутылочка»! — Он отбирает у проходящего мимо Владика почти опустевшую бутылку и кладет в центр стола. — Кому доверим первый прокрут? Конечно же нашей неподражаемой Лере!

Его поддерживают, но без особого энтузиазма, и я, заправив за уши растрепавшиеся волосы, падаю рядом с ним, с вызовом впереяюсь в бледное лицо Волкова и раскручиваю бутылку.

Чиркнув стеклянным боком по доскам столешницы, она превращается в прозрачный зеленоватый круг, постепенно сбавляет обороты и наконец замирает, и горлышко с тусклым бликом указывает аккуратно на Ваню.

Профессионализм и долгие годы тренировок не пропьешь.

— Ванек, давай! — подначивают его ребята, Инга изображает жизнеутверждающую улыбку и хлопает в ладоши, но он сверлит меня непроницаемым, застывшим взглядом и качает головой:

— Нет. Я не буду этого делать.

— Почему?

— Я не могу.

— То есть не хочешь? Боишься, да? — Я и сама в безотчетном ужасе и прячу дрожащую руку в карман. Я целовалась лишь раз — с тем самым внуком Белецких, да и то только потому, что он был самым красивым в тусовке и на нас смотрели девчонки из школы... Волков упрямо молчит, и меня несет: — Ты девственник? Ванечка, не может быть... Да ладно? Реально?..

Кто-то принимается издевательски гоготать, а я вот-вот провалюсь в преисподнюю.

— Так, похоже, Волков не в духе... — разряжает обстановку Илья. — Он просто не знает, от чего отказывается!

На мой затылок ложится жесткая настойчивая ладонь, Рюмин притягивает меня к себе и вдруг... засасывает в губы. Я теряюсь, задыхаюсь от испуга и поначалу поддаюсь, но очень скоро душу переполняют омерзение и ярость, и я, отстранившись, шиплю:

— Я тебе сейчас двину. Это что такое было, Илюх?

Его глаза недобро вспыхивают:

— Дурочка, подыграй. Для тебя стараюсь!

Свидетели страстного поцелуя впадают в шок, над площадкой повисает гробовая тишина.

Но новенького наша клоунада не впечатляет — он что-то быстро шепчет Инге, прощается с ребятами и, взяв ее за руку, сматывается.

Минут через двадцать погрустневшая компания начинает разбредаться по домам — у колонки села батарея, пиво закончилось, заметно похолодало.

Ссутилившиеся фонари с немим укором нависают над моей дурной головой, колени болят и подкашиваются от усталости, я разбита и беззвучно глотаю слезы. Спотыкаюсь на каж-

дом шагу, и желудок противно сжимается. Илюха заботливо придерживает мой локоть, но я выворачиваюсь и в сотый раз вытираю рукавом саднящие губы.

Камера телефона бесстрастно фиксирует весь наш путь от набережной до поворота на мою улицу.

— Илюх, не снимай меня в таком виде. — Я пытаюсь прикрыть лицо, но он отводит руку и берет в кадр нас обоих:

— Брось, лет через десять мы с тобой пересмотрим этот ролик, вспомним сегодняшний вечер и вместе посмеемся, вот увидишь.

Его намерение всегда быть рядом успокаивает расшатанные нервы, но я все равно бубню:

— Больше не лезь ко мне, понял? Ты поступил очень подло, Илюх...

Рюмин расплющивает подошвой сигарету, с досадой сплевывает и хмурится:

— Лер, я же не слепой — видел, как он тебя отбрывал, вот и решил показать, что ты не нуждаешься в его снисхождении. Если он обидит тебя, я забью на его родственные связи и заставлю землю жрать!

— Нет! — Я мотаю пьяной головой. — Теперь это моя война, понимаешь? Я сама его урою. Нежно. Он влюбится в меня, станет самой преданной собачкой, а потом будет страдать. Наблюдай и не вмешивайся.

— Вот это другой разговор! Узнаю свою Леру! На что забьемся? — Илюха выключает телефон и протягивает мне мизинец, но я вдруг остро осознаю всю тупизну ситуации и разражаюсь бессильным истерическим смехом:

— Господи, какая я жалкая... Никогда не опущусь до такого. Забыли и отмотали назад!

Глава 6

Будильник раздражается жужжанием и птичьими трелями, но вместо меня просыпаются жгучий стыд, слабость и боль в висках.

Я бы предпочла не появляться сегодня в школе и даже всерьез подумываю прогулять, только мама еще не уехала — гремит тарелками на кухне, шаркает тапочками по коридору и, коротко постучав, бесцеремонно врывается в мое личное пространство.

— Фу, ну и вонь! — Она отодвигает ночную штору, раскрывает форточку, застывает у окна с видом на соседский участок и пускается в рассуждения: — Надо же, Марина все же рискнула вернуться. Да еще и не одна...

Я вздыхаю.

Мои родители живут тут с рождения и посвящены во все поселковые обычаи и легенды, я же до сих пор не могу понять, почему из-за такой малости, как мимолетный роман с женатым мужиком, Брунгильдиной дочке понадобилось отсюда сбегать.

У старшего поколения вообще странно работает мозг — для них важнее мнение большинства, и эту спорную истину они настойчиво вбивают и в мою голову.

Мама очень красивая — она с юности знала, что ни дня не будет работать и ее не коснется нужда. Так и случилось — сразу после выпускного мама выскочила замуж за рискованного безбашенного придурка — моего папочку, — и тот обеспечил ей и безбедное существование, и бесконечную нервотрепку. Лишь много позже она начала понимать, что мечты ее были недостаточно возвышенными и дерзкими, что она ничего не умеет, а молодость бесследно ушла. Отец же жутко комплексовал перед корешами из-за того, что не смог родить сына. Иногда в стенах этого дома происходит лютый треш, но на публике родители исправно изображают видимость идиллии. А еще они солидарны в желании компенсировать собственные неудачи за мой счет, и им все равно, что я думаю и чувствую по этому поводу.

— Лер. — Мама переключается на меня и упирает руки в бока: — Пили, да? Стало быть, папины внушения опять не подействовали? Знаешь, что? Я Тане Рюминой позвоню и попрошу, чтобы она серьезно поговорила с Ильей. А ты наказана. Никаких посиделок с ребятами до конца недели — после занятий сразу домой, я лично проконтролирую!

— Ну ма-а-ам! Мы выпили всего одну бутылку пива, да и ту на двоих! — пробую протестовать, но она остается непреклонной:

— Вставай. С пола прибери и живо в школу.

Пронзительно свистит чайник, мама убегает на кухню, и отравленные похмельем воспоминания о бессильной истерике перед новеньким, о его убийственно-холодном взгляде и нашем французском поцелуе с Илюхой скручивают внутренности в тугой узел.

Я выползаю из-под одеяла и забрасываю вещи в шкаф. Долго стою под душем, еще полчаса сушу волосы и задумчиво жую бутерброд, и ощущение полнейшего фиаско пробирает до костей. Вокруг Вани вьются девчонки, грустная моль Инга прилипла, как банный лист, к тому же Ваня уверен, что я встречаюсь с Рюминым, и это обстоятельство тревожит меня сильнее всего. Теперь, сидя под дурацким домашним арестом, я не смогу ни на что повлиять!

Складываю в сумку учебники, застыв перед зеркалом, замазываю консилером круги под глазами и проваливаюсь в отчаянную глубину темно-коричневой радужки. Отец говорит, что, если вовремя отбросить эмоции, любая проблема превращается в ситуацию, которую можно изменить под себя.

Черт с ним, с новеньким — он всего лишь еще один парень из класса. Пусть катится со своими надменными замашками. У меня и без него полно прихлебателей, а жизнь бьет ключом.

Словно в подтверждение моих умозаключений, звонит телефон — чересчур бодрый Илюха сообщает, что через пять минут будет у ворот, но я быстро шепчу, что мама рвет и мечет, и ему лучше до конца недели не попадаться ей на глаза.

В мамином наказании просматривается очевидный плюс — Рюмин реально достал, и у меня появился шикарный предлог несколько дней не общаться с ним вне школы.

Студеный утренний воздух стремительно вливается в легкие и до головокружения разгоняет кровь, мышцы ноют от давешних бешеных плясок, в виске стучит назойливый молоточек. Я водружаю на нос солнечные очки, разгрызаю подушечку мятной жвачки и вдруг замечая Бобкову — она чешет впереди в ужасном джинсовом плаще и стоптанных кедах, серые волосы собраны в жидкий хвостик, потрепанный рюкзак болтается на остром плече.

Мышь, да и только! Как же так вышло?.. Разве мало я ее гнобила?

Отключить негодование и гнев не получается.

Нагоняю ее и дергаю за рукав:

— Привет! Как сама?

— Лера... — Она вздрагивает, но мгновенно прячет испуг за сияющей, вызывающей изжогу улыбкой. Еще бы: столько счастья свалилось на нашу бедную нищенку за неполных два дня... — Все отлично!.. Значит, вы с Ильей официально начали встречаться? Вы с детства вместе, я очень рада за вас!..

На нас оглядываются, и я во всеуслышание объявляю:

— Мы с Ильей — просто друзья, и твое предположение звучит как извращение... — перехожу на шепот, резко вцепляюсь ей в волосы и наматываю на кулак: — Ну, Бобкова, что ты ему сказала?

— Чего? Кому? — Она шипит от боли, но продолжает яростно тормозить.

— Волкову! Почему он вчера весь день с тобой тусовался?

— Не знаю... Может, лучше ты спросишь об этом у него? — умоляет она, но я до треска натягиваю ее прядь:

— О чем вы говорили, когда он сел за твою парту?

— Ну... он представился, выдал дежурную фразу типа: «Очень приятно, надеюсь, мы с тобой подружимся», а я пошутила, что вряд ли, потому что я — белая ворона и изгой... — На ее белесых ресницах проступают слезы.

— И все?

— Да, — клянется позеленевшая от ужаса Инга. Ослабляю хватку, стряхиваю с ладони вырванный пучок и легонько хлопаю ее по спине:

— Ладно, живи пока.

Я отстаю от Бобковой на добрый десяток метров, глубоко вдыхаю, крепче сжимаю взмокшими пальцами ремешок сумки...

Ваня, облаченный в строгий черный костюм, стоит у крыльца в толпе ребят — о чем-то оживленно треплется с Петровой, пожимает руку Карманову, приветливо машет Инге, но, когда к ступеням подгребаю я, демонстративно вздергивает подбородок и отворачивается.

Глава 7

После третьего урока я покупаю в столовке пирожок и ухожу в школьный сад. Пятиклассники дружно вскапывают грядки, галдят и носятся под яблонями, а я сажусь на ствол поваленного дерева, превращенного завхозом в скамейку, медленно жую и вспоминаю, как ненавидела в детстве уроки труда — до обморока боялась дождевых червей, черных блестящих жуков и извивающихся многоножек.

Однако уединиться не получается.

— Лер. — В меня вперяется бесстрастный глаз камеры, на его фоне возникает широченная ухмылка Рюмина и заинтересованный, горящий дикими идеями взгляд. — Как самочувствие? Сильно досталось от тети Томи?

— Сильно. — Я взвиваюсь. — И вообще, Илюх, отстань — иди лучше Аитова снимай.

— Ринатку? Он нефотогеничный. — Илюха садится рядом, тайком закуривает, прячет сигарету в кулаке и прочищает горло: — Ты прости меня, Лер... Всю ночь не спал — так переживал. Но мои намерения чисты — дружба навек, ну... тебе ли не знать. Выпил лишнего и уверовал, что все делаю правильно. Это больше не повторится. Слышишь, Лер?

Его серо-зеленые глаза наполняются раскаянием, еще мгновение — и потекут слезы. Он и в обычных обстоятельствах похож на нашкодившего щенка водолаза, а когда косячит, сходство усиливается в разы.

— Перестань, все отлично. — Я улыбаюсь. Илюха выдыхает в облака белый дым, опускает голову и долго разглядывает носки пыльных кроссовок.

— А этот... забей на него. ЧСВ — вагон, а по факту — пустое место. Знаешь, даже странно: вроде бы он ничего мне не сделал, а сразу не понравился. А когда вскрылось, что он сыночек Маринушки, я понял, что к чему. Мама сказала, что с ним вообще не стоит общаться.

Похоже, Волков на всех так влияет. Он и во мне пробуждает самые острые чувства и самые низменные инстинкты, но, естественно, Илюхе я об этом не докладываю.

Я прислушиваюсь к доводам разума и держусь до самой пятницы — поднимаюсь на полчаса раньше будильника, успеваю сделать укладку и нанести идеальный макияж, надеваю только самые крутые шмотки и спешу в школу. Я контролирую эмоции и думаю исключительно об учебе, но, чем дольше наблюдаю за Волковым, тем более красивым и притягательным он становится.

В солнечный день или при ярком освещении его русые волосы превращаются в пепельный блонд, а улыбается он настолько обезоруживающе и мило, что мое глупое сердце замирает и плавится, как мороженое на горячем асфальте. Теперь, после нашего медляка, я знаю, как волшебным он пахнет, и его карамельно-горький аромат то и дело долетает до моего ряда и бережит душу.

К утру среды все в Сосновом прознали, что Волков — внук Брунгильды, и даже репутация его матушки не испортило впечатления. Он из Москвы, и это сразу вознесло его на восьмидесятый уровень крутости, а мое опрометчивое утверждение, что новенький — девственник, еще сильнее взбаламутило наших и окрестных дур, и они каждую перемену неотступно сопровождают его по всем коридорам и ведут гулять в сад.

На уроках он еще ни разу не отвечал, зато я каждый раз выхожу к доске на негнущихся ногах. К счастью, когда я бьюсь над решениями и распинаясь с докладами, Волков не слушает — о чем-то увлеченно шепчется с Ингой, а меня накрывает панический ужас оттого, что он вот-вот встанет и объявит всему классу, что они с Бобковой встречаются.

В пятницу опять активизировался Илюха — подстерег меня за трансформаторной будкой, подхватил под локоть и принялся уламывать рвануть на все майские в Задонск, но я pokrутила пальцем у виска, и он отвалил ни с чем — впрочем, ненадолго.

Я в гордом одиночестве листаю косметический каталог и потягиваю сквозь трубочку столовский яблочный сок, но вездесущий Рюмин, на ходу откусывая рогалик, опускает на мой стол поднос с едой, брякается на свободный стул и заглядывает в глаза:

— Угощайся, Лер. Пойдешь вечером на тусовку?

После нашего поцелуя мне отчего-то неприятно на него смотреть, но вопрос вырывается сам собой:

— А кто там будет?

— Мы с тобой, Ринат, Влад и две крали из Задонска. Остальные тоже обещали подтянуться.

Я разочарованно качаю головой:

— Нет, Илюх. Нужно срочно выкатить отцу план ближайшего будущего, а я не представляю, что придумать. Да и мама еще не остыла. Так что без вариантов. Придется куковать дома.

— Жаль. Ты только звони и пиши мне на выходных, ладно? — Он чересчур надолго задерживает руку на моем плече, и даже этот привычный, дружеский жест кажется двусмысленным и лишним.

Мама нынче не в духе и чернее грозовой тучи: загружает в посудомойку абсолютно чистые тарелки, до блеска полирует вилки и тяжело вздыхает. Днем позвонил отец и огорошил, что не сможет приехать ни в понедельник, ни во вторник.

— Накрылись наши традиционные первомайские шашлыки... Тетя Яна тоже расстроилась. — Мама одну за одной уничтожает сигареты, комкает пачку и не слишком успешно прячет слезы.

Зато я от облегчения готова прыгать до потолка — сдались нам эти шашлыки, неизменно заканчивающиеся разборками и мордобоем, да и сплетнице тете Яне, которую я терпеть не могу, гораздо полезнее посидеть дома!..

Но вслух интересуюсь:

— Надеюсь, папа в норме?

— Говорит, подвел кто-то из деловых партнеров... — буркает мама.

Мы обе отлично понимаем, что проблем ему подкинул не партнер, но усиленно создаем видимость, что повелись на его оправдания, и в целом все хорошо.

Что ж, значит, моих утешений маме не требуется, и я, захватив бергамотовый чай и пончик, вероломно отползаю в свою комнату.

В открытую форточку влетают запахи гари, цветения, хвои и ледяной воды, легкий ветерок приносит с берега эхо веселых голосов и грохот ультрамодного бенгера. Становится невыносимо горько, тоскливо и тяжело — движуха у водохранилища в эти минуты идет полным ходом. Без меня.

Стоило на пару дней отойти в тень, и обо мне все забыли.

Стиснув зубы, раскрываю учебник по общаге — если тупо вызубрю оставшиеся темы, возможно, отец от меня отстанет, но мне так тревожно, одиноко и жалко себя, что я против воли вслушиваюсь в звуки далекой тусовки и не улавливаю смысл прочитанных параграфов. Впрочем, ничего, кроме пятерок, мне все равно не поставят.

Потягиваюсь, осторожно заглядываю за занавеску, и глаза постепенно привыкают к маслянистому мраку ночи — за забором, оплетенным засохшими стеблями хмеля, вспыхивает желтое окно, в нем плавно движется чья-то тень.

После смерти мужа Брунгильда жила одна и ни разу не включала в нем свет. И до меня вдруг доходит — это и есть комната Вани! Сейчас, когда ребята отрываются на берегу, окно продолжает уютно светиться — значит, его обитатель тоже остался дома!

Он здесь, в нескольких метрах от меня...

И я снова спокойна и счастлива — гашу настольную лампу, падаю на подушку, и сознание сливается с бархатным звездным небом и пьяной весенней ночью.

Солнечный зайчик настырно лезет в лицо, вынуждая чихнуть и расхохотаться, — я просыпаюсь отдохнувшей и с ворохом планов на все выходные. Неожиданно на Сосновое обрушилось лето, из форточек струится почти июльская жара, термометр за стеклом сошел с ума и застыл на отметке в плюс тридцать.

Закрываюсь в ванной, полчаса нежусь в пахнущей персиком пене и, впервые в этом году, достаю из шкафа легкий сарафан в голубой цветочек.

Мама сегодня тихая и бледная — подвинув под мой нос тарелку с завтраком, снова застывает у окна с сигаретой, и я в порыве острого сочувствия дергаю край ее футболки:

— Мам, а давай цветы посадим? В кладовке остались семена. Помнишь, в прошлом году вся улица от наших клумб обалдела? Даже блогеры из Задонска приезжали. Дом у нас шикарный, давай и снаружи его украсим!

Она изображает подобие улыбки, но смотрит на меня с усталостью и снисхождением:

— Лер, ты же знаешь, где инвентарь. Давай сама. Хотя проще, как и тогда, садовника нанять...

Я ожидала такого ответа, поэтому не особо расстраиваюсь — углубляюсь в пыльную кладовую, с грохотом извлекаю на свет божий грабли, совок, лейку и пакет с разноцветными бумажными конвертиками и, просунув стопы в голенища красных резиновых сапог, бреду в заросший палисадник.

Обложенные белым песчаником клумбы покрылись дерном, почва высохла и потрескалась — работы тут явно ни на один день. Натягиваю тканевые перчатки, опускаюсь на колени и, сдувая со лба выбившиеся пряди, яростно освобождаю от прошлогоднего тлена место для новой жизни. На соседнем участке хлопает дверь и слышатся голоса. Я оглядываюсь и замираю с открытым ртом — кованый забор, разделяющий нас, расчищен от старых зарослей, и двор Брунгильды отлично просматривается.

Молодая стройная женщина в длинной юбке и соломенной шляпе несет пластиковые дуги, за ней вразвалочку идет Ваня и внимательно выслушивает ценные указания.

Он в обрезанных до коленей джинсах, голубой майке и драных конверсах. Блондинистая челка усмирена ободком-пружинкой, широкие плечи светятся бронзой, на левом предплечье темнеет тату, но, сколько ни напрягаю зрение, прочесть его полностью не получается. Он расслаблен, весел и невыносимо круто выглядит, и я живо припоминаю прикосновение его рук к моей талии, представляю, что мы целуемся, и уплываю...

Как по наитию, он оборачивается и пристально смотрит на меня — на мое легкомысленное платье, испачканные землей перчатки, растрепанные волосы и зажатый в кулаке совок, и его губы трогает еле заметная улыбка.

Волков кивает мне, и я как ненормальная улыбаюсь в ответ.

Глава 8

Праздники проходят в прибывающей к земле духоте и ленивой тягучей расслабленности — кажется, что я сладко сплю, вижу цветной сон с пасторальными мотивами, и просыпаться в ближайшее время меня не заставят.

Быстро позавтракав и поблагодарив маму, третье утро подряд спешу в палисадник и принимаюсь за расчистку клумб и посадку цветов, боковым зрением фиксируя происходящее в соседнем дворе.

Ваня откладывает грабли, снова кивает в знак приветствия, и теплый ветер перемен заполняет легкие и треплет мои всклокоченные кудри.

За эти дни мы не перекинулись ни единым словом, но что-то неуловимо изменилось — находясь вне школьных стен, мы сбросили привычные маски заносчивых придурков и показали настоящие человеческие лица.

В пятницу вечером Волковы возвели на участке огромную теплицу, тетя Марина внесла туда ящики с рассадой и усердно трудилась над ней, и теперь взмокший Ваня, периодически поскользываясь, спотыкаясь через заполошенных куриц, обливаясь водой и матерясь, скачет по мощеным кирпичами дорожкам с ведрами и лейкой.

К концу последнего выходного я уже без стеснения хихикаю над его неловкими движениями и покрасневшей физиономией, выражающей легкий шок и ощущаю кожей долгие пристальные взгляды.

До поздней ночи сижу за учебником, но мысли ускользают к желтому уютному окну напротив, и приправленное восторгом ожидание чего-то нового и волшебного опьяняет. Я давно забыла, что такое радость, но сейчас словно вернулась в раннее детство — во времена, когда еще можешь замечать красоту в мелочах, искренне веселиться и верить в чудеса.

Маме названивает отец, ее напряженный голос звенит в гостиной, однако даже это обстоятельство не выбивает меня из равновесия — я засеяла клумбы семенами экзотических цветов, прополола газон, полила пережившие морозную зиму туи и теперь засыпаю без задних ног, но с полной уверенностью, что завтра в школе все будет по-другому. Мы с Ваней видели друг друга уставшими, потными и испачканными в грязи, обменивались флюидами поддержки и не сдерживали улыбки. Настала пора окончательно зарыть топор войны.

Зевая и изгоняя из мутной головы недосмотренные сны, выбираюсь из душа, пробуксовывая махровыми носками по скользкому ламинату, спешу в комнату, но мама настойчиво скребется в дверь и, сделав ужасные глаза, протягивает мне свой телефон.

— Лер, это папа, — шепчет она. — Хочет поговорить. Только, пожалуйста, следи за языком.

Кошусь на часы: семь ноль-ноль. Значит, чел, внезапно включивший режим заботливого родителя, спать еще не ложился...

— Привет, пап! — Сажусь на кровать и крепко обнимаю подушку. — Рада тебя слышать!

— Ну, чего там, Валерка, чем порадуешь? — Отец гнусит и шмыгает, и мои худшие опасения подтверждаются: он в стельку пьян.

— Все выходные была дома, привела в порядок палисадник. Собираюсь на уроки, сегодня попрошу историчку задать мне какой-нибудь исследовательский проект! — бодро рапортую я, но мою пламенную речь перебивает пыхтение и издевательский смешок:

— Это какой такой проект, Валер? Текст из интернета на три страницы, что ли? Вообще не варик. Забыла, о чем мы договаривались? Давай так: чтобы была занята, как Золушка, и с

пацанами не болталась. И чтобы в поселке о нас не судачили. И чтобы мать на тебя не жаловалась! Иначе карманных денег лишу, поняла? — Он заводится, опять обзывает меня пустым местом и бестолочью, и я клятвенно обещаю взяться за ум. Как всегда, после наездов он меняет гнев на милость и еще полчаса распинается о том, что в июле мы полетим в Турцию, прощается и даже говорит, что любит меня, но мои руки дрожат, а на глаза наворачиваются слезы.

— Хватит, не разводи сырость! — отрезает мама, и я молча отправляю телефон в ее карман.

Я бы крикнула ей в лицо, что они ко мне несправедливы — я ведь и так лучшая в школе и девять лет не сдаю позиций! Что иногда завидую Инге — дочке уборщицы, которой не надо высоко нести знамя своей притворно счастливой семейки и кого-либо под себя подминать. И что в такие вот моменты я люто ненавижу их всех!..

Натягиваю короткое изумрудное платье из прошлогодней коллекции, хватаю сумку и мешок со спортивной формой и, не позавтракав, выбегаю из дома.

Жара закончилась вместе с праздниками — в небе над соснами клубятся ошметки серых туч, накрапывает мелкий дождь, хрипло каркают вороны, и я тут же каюсь, что не надела пальто. По телу гуляет странный нерв, жгучая обида отравляет кровь — впору лечь на асфальт и заорать во весь голос.

От соседского забора темной тенью отделяется хмурый Илюха; завидев его, я вдруг вспоминаю, что ни разу не созвонилась с ним и не отправила эсмэс.

— Илюх, мне так жаль! — Я подаюсь к нему навстречу, прижимаю к груди кулаки и умоляю: — Прости! Я все выжила на участке, а вечером еле доносила себя до кровати...

— Волков, гляжу, тоже времени не терял? — Он прячет руки в карманы брюк и сплевывает под ноги, и я напрягаюсь:

— При чем тут Волков?

— Да пофиг. Просто хотел напомнить, что не нуждаюсь в подачках. Пошли.

Он отворачивается и шаркает в двух метрах впереди, я в ужасе семеню за ним и смотрю на сутуленную спину. Но Рюмин не оглядывается, прибавляет шаг и, поравнявшись с Владом и Ринатом, шумно их приветствует и несется к курилке.

Врываюсь в школу за пять минут до звонка, со всей дури отталкиваю с дороги тормознутую, будто нарочно идущую с черепашьей скоростью Ингу и буквально налетаю на чью-то широкую грудь. Поднимаю глаза и ахаю. Ваня...

В эти дни я сотни раз придумывала и проживала нашу встречу, но ни в одной из версий возможного будущего он не срезал меня таким ледяным, наполненным горечью, безразличностью и злобой взглядом. Он опять нацепил эту чертову маску надменного чистоплюя. Его будто подменили...

— Привет! — Я все еще надеюсь на лучшее, но он только холодно и криво ухмыляется, и клубок из несбывшихся желаний, усталости и обиды вспыхивает во мне и горит синим пламенем. — Волков, что с тобой не так? — От него умопомрачительно пахнет, рубашка сияет белизной, и я еще сильнее распаляюсь: — Почему, дьявол тебя раздери, ты опять это делаешь?

— Что я делаю? — уточняет он, вскинув бровь.

— Игнорируешь. Смотришь как на пустое место. Это же я, твоя соседка, алло! — Я шелкаю перед ним пальцами, и он картинно вздыхает:

— Слушай, соседка, я ошибся. Реально подумал, что ты можешь быть человеком... Но нет. Показалось. И ты по-прежнему неходишь в круг моих интересов.

За пыльным окном рекреации на миг выключается день, в ушах противно пищит. Я задыхаюсь от негодования и, гордо подняв подбородок, выплевываю:

— Ну конечно. От инцела вроде тебя, ненавидящего всех и вся, ожидать чего-то иного было бы странно!!!

Волков сжимает челюсти, играет желваками и вот-вот сожжет меня черным огнем своих жутких бездонных глаз, и я благоразумно отступаю к стене. Он приходит в себя, резко отшатывается и, поправив рюкзак, отваливает в класс.

Позади раздаётся хохот ребят, улюлюканье Рюмина и стук учительских каблуков.

— Узнаю свою девочку! Ты его уделала, Лер! — Илюха ободряюще похлопывает меня по спине, обнимает за плечи и, сияя как новый пятак, галантно провожает до самой парты.

Глава 9

Я до шестого урока демонстративно тусуюсь с Илюхой и его сворой, громко смеюсь, изящно закидываю ногу на ногу и жеманно поправляю прическу, однако по ощущениям мой триумф больше смахивает на падение в выгребную яму.

Исподтишка поглядываю на надменную рожу Волкова, его милые улыбочки и знаки внимания, адресованные Инге, и в душе крепнет подозрение: утром он взбеленился только из-за того, что Бобкова отлетела к стене от моего тычка...

Благородный рыцарь. Тупой кретин.

Да чтоб меня!.. Может, стоит подарить ему очки?..

Невзирая на холод и ветер, физру в мае почему-то всегда проводят на улице.

Поправляю узкие легинсы, завязываю шнурки на «Найках» и, продемонстрировав девчонкам дорогой кружевной лифчик, застегиваю молнию на олимпийке. Покидаю раздевалку и предусмотрительно разминаюсь на свежем воздухе: папаша особенно чувствителен к моим оценкам по физкультуре, а сегодня нам предстоит бег на полтора километра, и мне нужно показать лучшее время.

Вообще-то, в угоду папочке я до восьмого класса занималась легкой атлетикой, и потому без особых усилий опережаю даже парней — те дымят как паровозы и выносливостью не отличаются.

В подтверждение моих размышлений в курилке раздается взрыв хохота: Илюха с корешами сидят на погнутой ржавой перегородке, изучают чей-то профиль в соцсети и безудержно пошлят.

Но мы упустили инициативу, и в школе сформировался второй полюс притяжения — Волков и Инга. Ваня переоделся в «токсичную» толстовку и нормальные кроссовки для бега, а восторженно хлопающая бесцветными глазами Бобкова нацепила дешманскую паль с гордой надписью «Адидас».

Вокруг них толпятся потерявшие страх девчонки и парни — с хутора, окрестностей и даже местные, поселковые — и заваливают Волкова вопросами о том, чем живет народ в столице.

Волков терпеливо втолковывает, что не следил за трендами и был бесконечно далек от массовки, но я-то вижу — мальчик бессовестно кокетничает, чем до зубовного скрежета бесит.

— А у нас Ходорова самая крутая, она шарит в шмотках! Что скажешь про ее стиль? — не отстают девчонки, и Волков, поискав меня взглядом, самодовольно выдает:

— Как по мне, вашей Ходоровой надо менять привычки и вкусы. — Он прекрасно знает, что я все слышу, но продолжает широко скалиться и издеваться.

Среди его безмозглой паствы тут же находятся одобрительно кивающие болваны, и я взрываюсь — в два прыжка оказываюсь у их лавочки, сжимаю кулаки и выкрикиваю:

— Волков, чья бы мычала. Ты потому до сих пор и ни-ни, что не владеешь чувством прекрасного!

Ребята замолкают и с интересом наблюдают за нашей перепалкой, но Волков как-то чересчур весело и по-доброму мне улыбается, и у меня моментально слабеют коленки.

— Откуда такая заикленность на моей личной жизни, Валерия? Я не инцел, если от этой инфы тебе чуточку полегчает... Но, в принципе, не вижу ничего плохого в целомудрии. Тут ты тоже отстала от трендов! — Он протягивает Инге кулачок, и та, настороженно на меня зыркнув, быстро его отбивает.

Я заливаюсь позорной краской, закусываю губу и опять проваливаюсь в глубокую яму без возможности вынырнуть, вдохнуть и выдать равноценный ответ.

Вообще-то, я и сама за ответственный подход к сексу и никогда бы не переспала с первым встречным. Я тоже в их лодке, но Волков переиначил все так, будто он и Инга — агнцы божьи, а я — испорченная, озабоченная истеричка...

К счастью, нависшую надо мной тишину разрезает пронзительная трель свистка, физрук выгоняет всех на дорожку, выстраивает у белой линии и дает отмашку флажком.

Стартую на сотые доли секунды раньше остальных, вырываюсь вперед и убегаю — подальше от насмешек Волкова и ступора, сковывающего тело и разум в его присутствии.

Влажный ветер приятно холодит пылающие щеки, мышцы работают как единый слаженный механизм, у меня открывается второе дыхание — вскоре топот преследователей остается далеко позади, и я на крыльях очередного успеха лечу прямо к финишу.

За школьным забором, возле заросшей вербами голубятни, стоит мать Рюмина, но отставший на полкруга Илюха ее, кажется, не видит. Собираюсь его окликнуть, однако вовремя замечаю, что тетя Таня смотрит не на сына, а на этого придурка Волкова.

Впереди уже маячит физрук с секундомером в руках, но на завершающей стометровке Волков спокойно меня обходит и финиширует первым.

Мне все равно ставят пятерку — у девчонок и парней разные нормативы, но факт, что новенький сделал меня на моем же поле, деморализует и бесит.

Запыхавшийся и кашляющий на все лады класс бредет к раздевалке, но я останавливаюсь у лавочки с сумками и стираю влажной салфеткой пот с разгоряченного лба. На самом деле я ликвидирую слезы, предательски проступившие на ресницах, только об этом никогда не узнает ни одна живая душа.

— Лера, — из-за плеча раздается ангельский голос, и я с немалым удивлением обнаруживаю возле себя бледную как смерть Бобкову. — Прости, пожалуйста, но... не обзывай его больше. Он не тот, кем ты пытаешься его выставить!

— Чего ты лепечешь? — Я откровенно забавляюсь. — Он не... кто? Не девственник? Ты-то откуда знаешь?

Инга вспыхивает, кожа у корней ее светлых волос багровеет, щеки покрываются пятнами, но она стойко выдерживает мой взгляд и, заикаясь, шепчет:

— Просто знаю, и все.

— Еще скажи, что сама приложила к этому руку! — Я ржу, хотя становится не до смеха. — Ой. Не только руку, да?

— Ты все неправильно понимаешь! — Она упрямо мотает головой и не затыкается: — Он мой друг. Ему тут непросто, но он очень хороший! Он добрый. Он всегда находит для меня нужные слова, и я тоже больше не буду молчать!

Нытье Бобковой мерзкой змеей пробирается за шиворот и жалит прямо в сердце. Эта ботанка и хикки наглеет и впервые по-настоящему, до дрожи, меня раздражает.

Заношу над лавкой свой белоснежный «Найк», сталкиваю на землю сумки и рюкзаки ребят и рываю:

— Собирай!

Инга смахивает с лица жидкие патлы и застывает, мучительно выискивая в моей нахальной улыбке намеков на шутку или проявление милосердия. Я хватаю ее за жесткий затылок, швыряю к своим ногам и с садистским удовольствием повторяю:

— Собирай, я сказала.

Подспудно я даже желаю, чтобы Бобкова включила бойца и дала мне отпор, но она послушно поднимает чей-то мешок со сменкой и возвращает на лавочку. Бунт пресечен на корню. Пусть не забывает, где ее место.

Вытоптанный подошвами пяточек накрывает тень, и супергерой и суперпридурок Волков заботливо помогает Инге подняться и оттесняет подальше широким плечом.

— Не вздумай, пусть сама собирает! — Он опять окатывает меня фирменным ледяным презрением и скрещивает на груди руки. Сдавать назад поздно — он стопроцентно слышал наш разговор и теперь проверяет меня на прочность, и я в бессильной ярости шиплю:

— А найти нужные слова не для этой лохушки, а для меня тебе слабо?

Волков прищуривается, подгребает слишком близко и выдыхает в мое ухо:

— Я найду, Ходорова. Теперь для тебя я их точно найду!

Он недобро усмехается, и я, отбив к чертям зад, плюхаюсь на жесткие холодные доски.

Глава 10

Всю ночь мне снился липкий навязчивый кошмар, будто я силюсь удержать в руках край винтажной пыльной скатерти, но мама, отец, Илюха и какие-то люди в масках Анонимуса громко спорят и тянут ее каждый на себя. Старая ткань трещит по швам и неумолимо расплзается, я плачу от ужаса и отчаяния, но рядом появляется спокойный и светлый Ваня и разжимает мои пальцы. Я протестую и рвусь обратно, но он без слов подается ко мне, крепко обнимает и целует в губы... В груди вспыхивает обжигающее пламя, все вокруг исчезает в его языках, и я, под крики полоумного петуха, распахиваю глаза, катапультируюсь в реальность и пытаюсь отдышаться.

Будильник подвел, я нещадно опаздываю и, кажется, впервые иду в школу как на каторгу или на казнь.

Нет сил препираться с Волковым, ощущая в душе отголоски восхищения, сожаления и тупой боли, нет желания доказывать затаившему обиду Илюхе преданность и крепкую дружбу, нет уверенности, что я могу держать удар.

Пронзительный ветер сбивает с ног, мерзкий дождь набирает обороты, по спине табуном пробегают мурашки. Я не знаю, на что способен не на шутку разозлившийся Волков и попросту его боюсь.

Страхнув капли со сложенного зонта, кисло улыбаюсь в камеру Илюхиного телефона, сажусь за парту и, расправив плечи, с нетерпением дожидаясь звонка. Я из принципа не обращаю внимания на «божьих агнцев», хотя умопомрачительный парфюм Волкова наваждением витает по классу и мешает сосредоточиться.

Можно ненадолго расслабиться — первым уроком сегодня общага. Я все праздники как проклятая штудировала учебник, рублю в обществознании лучше всех в школе и переживаю минуты настоящего триумфа, когда молоденькая Надежда Ивановна, выслушав мой ответ, для порядка обращается к классу: «Кто дополнит?», и желающих, конечно же, не находится.

Я не представляю, кем стану в будущем, не знаю, чего хочу от жизни, но обещала отцу поступить на юрфак в Н-ске — нашем областном центре, городе-миллионнике. Для этого мне нужно успешно окончить десятый и одиннадцатый классы, набрать максимальные баллы на ЕГЭ и преодолеть дополнительное испытание, придуманное престижным вузом для абитуриентов.

На удивление эта идея полностью устроила отца и даже на некоторое время сделала меня значимой:

— Учись, Валерка! Будешь батю в суде отмазывать! — веселился он и покатывался со смеху: — Дела фирмы на себя возьмешь. А я всем корешам расскажу, какая ты умная, вся в отца!

Вот и сейчас я настойчиво тяну руку, улыбаюсь Надежде и уверенно выхожу к доске. На высоких каблуках, в новом платье, с локонами, забранными в хвост на макушке, я выгляжу безупречно. Я и отвечаю безупречно — развернуто и вдохновенно — правда, в этот раз смотрю не на портреты великих ученых и не на мечтательную физиономию Илюхи, а в сторону — на борозды дождя, ползущие по оконному стеклу.

— ...таким образом, прогресс общества зависит от свободного развития личности, — подытоживаю я, и Надежда благосклонно кивает:

— Молодец, Лерочка. Очень содержательно. Кто дополнит? — Вопрос повисает в звенящей тишине, ребята тушуются и вжимают головы в плечи, но новенький вдруг поднимает руку, встает и представляется:

— Я. Волков.

Он раскрывает рот и, в пух и прах разнося мои выводы, минут десять распинаясь с места о фактической роли индивида в современном обществе, о недостижимости свободы и утопичности изложенных мною постулатов, и этой информации точно не было в учебнике.

Я впадаю в ступор и не пытаюсь вникать в его спич — борюсь с нарастающим свистом в ушах и, вцепившись ногтями в тонкую кожу над локтем, отгоняю дурноту, подступившую к вискам и горлу.

Надежда близка к экстазу и, потирая руки, разворачивается ко мне:

— Возразишь?

В глазах Волкова читается вызов, насмешка и холодное превосходство, и я, признав полное и безоговорочное поражение, мотаю больной головой.

— Ходорова, ничего личного, но... — с сочувствием выдает он. — Объективную реальность не исправишь кулаками. Умей проигрывать достойно. Надеюсь, я выполнил твою просьбу и подобрал для тебя достаточно понятные слова?..

Я хватаю ртом воздух и отвожу взгляд.

Волков превращается в благообразного прилежного мальчика и скромно поясняет учителю, что обществознание в его предыдущей школе преподавал вузовский профессор. Надежда Ивановна, похлопав в ладоши, ставит ему сразу две пятерки, а присутствующие пялятся на него с неподдельным восхищением. Хрупкий постамент подо мной осыпается, на его руинах происходит рождение нового божества...

И только бледный от ярости Илюха, откинувшись на спинку стула, пристально наблюдает то за мной, то за Волковым и взъерошивает кудри на затылке.

Сгорая от ужаса и стыда, возвращаюсь за парту и прячу пылающее лицо за онемевшими пальцами.

А после звонка собираю пожитки и тихонько сбегаю.

На улице шумит затяжной заунывный ливень, пахнет плесенью и грибами, туфли мгновенно заполняются хлюпающей жижей, но показываться в такую рань дома нельзя — мама убьет за прогул. Раскрываю над головой защитный купол зонта и прямо по лужам спешу к короткому зеленому составу, ржавеющему у берега. Зацепившись за скользкий поручень, залезаю в продуваемое всеми ветрами нутро раскуроченного вагона и, уставившись на серую рябь большой воды, стираю обильные горькие слезы. Рука воняет мазутом, а день — безысходностью и позором.

— Лер, подожди! — До нитки промокший Рюмин взбирается по железным ступеням и падает на ободранное, прожженное бычками и спичками сиденье возле меня. — Этот гребаный цирк достал. Он... рисуется и намеренно тебя гасит. Может, прямо при всех начистить его ублюбочную рожу?

— За что, Илюх? — захлебываясь в рыданиях, жалко улыбаюсь я. — Я... в общем, сама нарвалась. И он вчистую меня сделал.

Глава 11

— А что за дела у тебя с Волковым, почему я о них не знаю? — Илюха кажется милым и заботливым, но в глубине его зрачков засела затаенная обида — совсем как в детстве, когда он вынужденно оставался дома с несварением или температурой, а я играла с другими ребятами.

— Не с ним, Илюх. С Бобковой. Заметил, как она расцвела?.. Я хотела ее чуточку осадить, а он впрягся за нее и уперся как баран... — Я рассказываю предысторию сегодняшнего фиаско, только знатно сместив акценты и добавив дешевой драмы. Рюмин сочувствует, и от этого слезы льются сплошным потоком, а идеальный макияж окончательно превращается в боевой раскрас «морских котиков». Илюха вытирает мою щеку теплым пальцем, двигается ближе и накрывает замерзшее плечо полкой своей джинсовки.

— Ничего, Лер. И на нашей улице перевернется грузовик с пряниками. Ну, или мы сами его перевернем. Если надумаешь надавать ему по щам — только свистни. Не забывай, за тебя тоже есть кому впрячься! — Он ободряюще ухмыляется, но я стараюсь не смотреть на его губы, отстраняюсь и роюсь в сумке в поисках зеркала.

— Наверное, я сейчас та еще уродина...

— Бывало и хуже. Помнишь, как мы хотели ведьмину корову подоить, и она хлестнула тебя по лбу грязным хвостом?

— Врешь! Такого не было! — шмыгая носом, протестую я, и Рюмин пихает меня локтем в бок:

— У меня есть это видео. Вот смонтирую ролик про всю нашу дружбу длиною в жизнь и обязательно тебе покажу!

Илюха весьма точно воспроизводит мою мимику — испуг, злость, растерянность, досаду, и я, вопреки всему, начинаю звонко хохотать. Сквозь слезы, дождь, холодный ветер, крики взбесившихся чаек и звон осколков разбитого сердца.

Родной дом — просторный и темный — встречает меня безмолвием, отключенным отоплением и клубами табачного дыма под потолком. Мама без света сидит на кухне, на столе перед ней возвышается початая бутылка водки и наполненный до краев стакан.

В нашей семье не принято делиться проблемами, но я так встревожена маминым состоянием, что напрочь забываю о негласном правиле и застываю в проеме:

— Что такое, мам? Кто-то умер?!

Вздвогнув, мама гасит полуистлевшую сигарету о дно пепельницы и тихо мямлит:

— Отец больше не приедет.

Наверное, я должна упасть на пол и завывать от скорби и ужаса, но по телу разливается предательское облегчение.

— Почему, мам? — Чтобы ненароком не спугнуть наклонувшееся доверие, я аккуратно присаживаюсь на уголок дивана, и мама вдруг одним махом отправляет содержимое стакана в рот.

— Плохо все, Лер! — Поморщившись, она грохает хрустальным дном по столу и всхлипывает: — Кристинка беременна!

Мама только что произнесла имя, которое нельзя произносить вслух, и я отчетливо осознаю: правила изменились. Теперь ненормальную, тупую и мерзкую ситуацию, в которую родители загнали себя и меня, можно, наконец, предметно обсудить.

— Воистину, беда одна не приходит... — бубню я. — Это тетя Яна напела?

— Это он сам сказал. Что теперь делать?

— Разведись! Пожалуйста, мам, разведись с ним! — умоляю я, отчасти потому, что тогда и с моих плеч свалится мешок непосильных обязательств, требований, придирок и бед.

— На что мы будем жить? — Она опять тянется к бутылке, но я поспешно переставляю ее на микроволновку.

— Разве он ничего мне не должен?

— Алименты? Лер, у него официальный доход немногим больше двадцати тысяч... — Мама пытается закурить, но я реквизирую у нее и сигареты, и она шумно вздыхает: — Тебя он не оставит, а я... Главное, не смей ему перечить! Примазывайся, лести, угождай. Вся надежда на тебя... Поняла?..

У меня трясутся руки. Только сейчас я окончательно догоняю, насколько серьезно завишу от решений этого самодура. Он в любой момент может позвонить и поинтересоваться, как обстоят дела с его наказом, а я сумею похвастаться лишь тем, что меня легко вышвырнули с первых ролей. Что все плохо, а дать бой зарвавшемуся подонку Ванечке и зашуганной Инге у меня кишка тонка.

Я почти смирилась со звездным статусом новенького, познаю дзен и постоянно считаю в уме до десяти, но сегодня, до начала занятий, становлюсь свидетелем вселенской несправедливости: Инга чешет передо мной в сопровождении Петровой и еще двух наших размалеванных куриц, что-то увлеченно им рассказывает, и те благоговейно заглядывают ей в рот. Во мне взрывается волна негодования — как бы там ни было, сейчас бывшая лузерша объективно счастливее и востребованнее, чем я, и на лицах девчонок нет затаенного страха, с которым они по обыкновению смотрели на меня во время нашего общения.

Бобкова — единственная уязвимость придурка Волкова, через нее я гарантированно смогу ему досадить.

Поравнявшись с компанией, я громко откашливаюсь, и Инга поднимает на меня лучистые глаза:

— Привет, Лера! Какая ты сегодня красивая!

Я кривлюсь:

— А ты — мерзкая. Напомни принести тебе шампунь от грибка. И... дай уже пройти!

Она едва сдерживается, чтобы не расплакаться, послушно отступает, а я отвешиваю ей звонкий щелбан и удовлетворенно поджимаю губы. У крыльца стоит ее чокнутый защитник, черный взгляд транслирует угрозу: «Ходорова, ты совсем не понимаешь русского языка?!»

А на алгебре сияющий, высокий и стройный Волков начинает свое адское шоу.

Я решаю задачу самым простым и очевидным способом, математик, поправив очки, проверяет мои закорючки, но за спиной раздается знакомый бархатный голос:

— Простите, нам кажется, что уравнение составлено неверно. Инга хочет помочь Лере.

Та робко поднимает руку и, пыхтя и заикаясь, предлагает другой способ. Я подвисяю от неожиданности, яростно спорю, еще немного — и додавлю эту моль и самозванку своим авторитетом, но вышедший к доске Волков громит мое решение как некорректное и безоговорочно занимает сторону Бобковой. Математик с азартом кусает роговую дужку, что-то мурлычет в усы, листает потрепанный доисторический справочник и душевно пожимает руки Волкову и Инге:

— Где вы получили эти блестящие знания, молодые люди?

Потупившись, Волков включает пайнюку:

— Инга готовилась самостоятельно. И дополнительно позанималась алгеброй со мной.

От поднявшейся из желудка кислоты сводит челюсти. Чем, черт возьми, они еще занимались?!

Урок литературы тоже заканчивается тухло — Раиса Вячеславовна собирается объявить оценки за сочинение по «Войне и миру», долго копается в стопке проверенных тетрадей, но, вопреки заведенной традиции, достает не мою — уже не нужно быть экстрасенсом, чтобы догадаться, чья это тетрадка. Она зачитывает отрывки из самого крутого сочинения, с придыханием провозглашает, что у нас появилась еще одна лучшая ученица — Бобкова Инга, а я сдираю с ногтя яркое покрытие и сдавленно чертыхаюсь.

Наша Раиса — гуманитарий и посему не дружит с логикой. Ведь звание «лучший» можно применить лишь к единственному человеку, а все другие останутся в ранге догоняющих.

Неделя превращается в беспросветный, наглухо затянутый тучами день сурка: мама лежит на диване, прячет заплаканные глаза и делает вид, что увлечена сериалом, я как проклятая бьюсь над домашними заданиями и гипнотизирую взглядом соседское окно. Там, в паре метров от меня, обретается Волков — со своими мощными флюидами и матерыми, породистыми тараканами, населяющими упрямую башку. Вместо пожелания спокойной ночи я насылаю на него самые страшные проклятия, до утра забываюсь тревожным сном, а потом, при неизменной поддержке Илюхи, бреду в опостылевшую школу.

В отличие от педагогического состава, ученики прекрасно поняли, кто на самом деле скрывается за вознесением Инги в небеса, и почувствовали, что новенькому плевать на наш авторитет — он прямо заявил Ринату, что никаких денег в общак отваливать не будет, а когда Аитов на него замахнулся, легко его нейтрализовал, заломив руку за спину.

Теперь восторженные ребята ходят за Волковым табуном и жаждут его внимания, а девочки поголовно влюбились, но не смеют посягать на священное место Бобковой. Та стала не в меру разговорчивой и даже подружилась с косметичкой, и ее полудохлый, захейченный мною профиль в соцсетях разросся как на дрожжах.

Илюха все чаще сидит в одиночестве на погнутом ограждении у клумбы и молча потирает кулаки, но я красноречиво трясую головой и одними губами прошу:

— Нет. Не вздумай! Пока все нормально!

Хотя кого я обманываю? От нормальности я далека как никогда.

Изо дня в день наблюдаю, как рушится мой привычный мир, но ощущаю только оглушающее бессилие — против упертого, замороженного бесстрашия Волкова нет приема. Он ни во что не ставит Рюмина и его дружков и демонстративно забивает на правила. Я бешу его самым фактом своего существования, а он — до дрожи, до тошноты, до зубной боли — бесит меня. И одновременно до нехватки воздуха нравится.

Накануне девятого мая учеников освободили от занятий — в актовом зале вот-вот начнется праздничный концерт, который — сюрприз! — в этом году веду не я. Перед первой репетицией Раиса Вячеславовна настороженно поинтересовалась, все ли хорошо с бизнесом отца, и, получив утвердительный ответ, огорошила, что другим детям тоже нужно себя проявить. И торжественно вручила сценарий Бобковой.

Я не иду на концерт, ибо очередного триумфа Инги попросту не вынесу, и депрессия — вязкая, липкая, приводящая в оцепенение и ступор, — уже тянет ко мне свои мертвые щупальца.

Это состояние лучше перетерпеть вдали от стаи — отползти и затаиться, как поступают больные немощные животные, чтобы новый, более сильный вожак не добрался до них, не впился в глотку и не прикончил под одобрительные вопли предателей-соплеменников.

И я, как раненый зверь, прячусь в школьном саду и, перепрыгивая комья земли, ковыляю к любимому укромному месту с поваленным деревом и свежими всходами на грядках.

Раздвигаю кусты сирени, шагаю в проем и спотыкаюсь от неожиданности: мне опять не везет, занято даже мое любимое бревно. На нем, расправив плечи и уставившись в пустоту, неподвижно сидит Волков, и влажный майский ветер треплет его светлую челку.

Заметив меня, он отмирает, часто моргает, накрывает лицо ладонями и устало трет веки.

Хоть он и редкостная скотина, но все в его облике сейчас кричит о боли — я улавливаю ее шестым чувством и ощущаю так же остро, как свою.

— Вань, что с тобой? — Я натурально паникую и не знаю, куда деть руки. — Могу я чем-то тебе помочь?

Он поднимает голову, молча пялится черными дырами непроницаемых, жутких глаз, и между нами снова возникает та хрупкая невидимая связь, напоминающая волшебство...

— Да нет, я в норме, — неожиданно спокойно поясняет он. — Просто... сегодня ДР у одного хорошего человека.

— Больше смахивает на поминки... — Помявшись, я все же решаюсь сесть рядом, и знакомый аромат кофе и карамели туманит мозг.

— Ну, или так, — соглашается Волков. — Можно сказать и так.

— Горюешь оттого, что не пригласили?

— Горюю оттого, что уже никогда не пригласят.

Испуганные мысли пускаются в галоп, все мои обиды отступают перед желанием узнать его тайну и поддержать. А что, если... наплевать на нашу войну и прямо сейчас куда-нибудь его увести? Без Илюхи, без Инги, без перетягивания ненужного внимания на себя, без надоевших условностей и масок... Я сжимаю кулаки и мучительно подбираю слова, но он резким нервным жестом стирает что-то со щеки, встает и подмигивает:

— Бывай, Ходорова. С наступающим.

Глава 12

Опьяняющий запах черемух и не воплотившееся в реальность намерение схватить Ваню за руку напрочь отключают мой здравый смысл.

Волков уже в десятке шагов от импровизированной скамейки, одергивает пиджак и поправляет ворот рубашки, и меня скручивает приступ панического страха — если он уйдет, мы уже не сможем нормально общаться. И даже то, что он обнаружил мое тайное место для медитации, а я застала его здесь со снятой броней и в полном раздрае, вдруг воспринимается мною как знак свыше.

Пока все еще окончательно не похерено, я вскакиваю и окликаю его:

— Вань, подожди!

Волков оборачивается.

— У тебя есть пара минут? Надо поговорить. Это важно!..

— Окей... — Он вразвалочку возвращается и опускается на бревно, а я плюхаюсь рядом.

В его взгляде нет вражды или надменности — только немой вопрос и терпеливое ожидание, и от повисшей между нами тишины закладывает уши. Сердце мечется в груди, мне до ужаса жалко себя, и в горле першит от осознания: этот отстраненный бледный парень, похожий на сувенирного фарфорового эльфа, мог бы стать для меня самым желанным трофеем, но вряд ли на такое подпишется.

— Так о чем поговорим, Лер? — напоминает Волков, и я выдыхаю:

— Скажи... Если я не вхожу в круг твоих интересов, зачем ты все время подставляешь меня?

— Споры о методах и точках зрения — это не подстава, а научная дискуссия.

— Но ведь сочинение для Бобковой написал ты — не зря же Раиса распинается о твоём якобы таланте! Ты решал за Бобкову те гребаные задачки, ты воспользовался родством с Анной Игнатовной, договорился с новой директрисой, и Ингу назначили ведущей праздника, а меня задвинули на десятый план!

С каждой моей фразой его лицо каменеет, а я начинаю сомневаться в собственной адекватности.

— Лер, у меня даже близко нет такого влияния. Я кое-что пишу. Для себя. Но у меня не настолько прокачанный уровень знаний, чтобы делать домашку за Ингу и катать за нее сочинения. Ты провозгласила себя лучшей в школе. Но, просто поверь мне: это не так.

— А кто тогда лучший? Инга твоя? — Я огрызаюсь, однако он остается невозмутимым:

— Да. У нее не было возможности себя показать, а учителя будто намеренно ее задвигали. Она готовилась сама, и классная по собственной инициативе вдруг решила ее поощрить. Она рубит в большинстве предметов и много читает. А еще она добрая и прикольная — у меня было время многое с ней обсудить и узнать, чем она живет.

В груди печет от невыносимой досады, и я усмехаюсь:

— До тебя эта уродка пикнуть не смела и получала двойки за письменные задания, а теперь обнаружила суперспособности. Но активизировались они почему-то после твоего появления в школе.

Волков морщится, будто от меня завоняло чем-то отвратительным, и я, кажется, тоже улавливаю этот душок.

— А ты не догоняешь почему, да? Не догадываешься, что все боялись лишний раз высунуться, чтобы ненароком чем-то тебя не задеть и не спровоцировать проблемы с троицей этих отморожков?! Может, расскажешь, как они передразнивали ее, орали и не давали ей отвечать? Или как ты за любое непослушание издевалась и портила ее вещи?

Он так близко, что запросто мог бы меня обнять, но вместо этого лезет в мою наглухо замурованную душу и пытается вывести на чистую воду, а я не готова к такому повороту событий.

— Рюмин твой — красавчик? — Волков до хруста сжимает кулаки. — А считают ли так пацаны из младших классов, с которых он трясет деньги? А, может, ты красотка? Особенно когда бьешь и унижаешь девчонок, проходишься по их внешности и распускаешь грязные сплетни?.. Я никого ни к чему не принуждаю, но, как только появилась альтернатива, многие люди предпочли дружить с нами. Не задумывалась о причинах такого выбора?

Я застываю с открытым ртом и наконец понимаю, какой природы перемены привнес в нашу школу Волков. Он научил ребят не бояться. Жизнь большинства наладилась, что-то рушится лишь внутри меня... А он, глядя в упор, продолжает:

— Ты присвоила себе право решать, кто достоин счастья, а кто — нет. И тебя жестко триггерит, когда успеха добивается кто-то другой. Вы установили здесь гнилые порядки, но я уже видел такое в масштабах отдельной школы и подписываться под ними не собираюсь.

Каждое его слово здоровенным гвоздем вонзается в мою спящую совесть. Но стерва во мне не сдастся, и я аплодирую:

— Bravo. Вот это речь. Ты еще и душнила сотого уровня! Ты снова пытаешься достать меня и втоптать в грязь. Тебя это заводит, Волков?

— Пока достаешь меня только ты, — сокрушенно вздыхает он. — Видит бог, я к тебе не лез. У меня своих проблем по горло. Мне нужно помогать маме ухаживать за бабкой, нужно доучиться и больше не вляпываться в дерьмо. В моих планах нет романтики. А уж тёрок с кем-то — и подавно. Давай условимся: ты не лучшая, я не лучший. Нет никаких «лучших» и «худших», все имеют право на нормальную жизнь. Не цепляйся к нам, Ходорова, мир не крутится вокруг тебя.

Он замолкает и что-то мучительно выискивает в моем лице. Поток болезненно-яркого света прорывается в душу и вот-вот вытеснит из нее вековую пыль, но я тут же мысленно захлопываю открывшуюся форточку. Если при нем выпущу эмоции из-под контроля — точно умру.

И я упрямо нарываюсь:

— Это не меняет того факта, что твоя Инга — зашуганная чмошница!

— Сунься к ней, и будешь иметь дело со мной.

Кажется, в этот миг он готов меня удушить, и я его — тоже. Я всегда ломала понравившиеся игрушки, если другие дети отказывались дарить их мне...

— Давай, пока. — Он встает и отваливает. Я опять все испортила, и вернуть его расположение мне поможет разве что чудо.

— А-ах! — Я зажмуриваюсь и, не жалея голубых джинсов, падаю как подкошенная. Лежу на вытоптанной земле в окружении грядок и кустов сирени и жду — если Волков такой благородный, он меня здесь не бросит, а если бросит, у меня будет шикарный повод презирать его еще больше. Я даже надеюсь на второй вариант развития событий, но шаги приближаются, жесткие ладони, вызывая россыпи мурашек, стискивают мои бока, и аромат миндаля и латте с карамелью сводит с ума. Волков легко меня поднимает, но его объятия — горячие, надежные и непостижимые, как космос, чересчур скоро размыкаются. Он устраивает меня на лавке, садится на корточки и осторожно гладит по щеке:

— Эй... Ты жива? Это обморок? Как ты себя чувствуешь?

Сквозь неплотно сомкнутые веки я наблюдаю за его встревоженным лицом, ловлю чистый кайф, ликую и наконец изображаю возвращение сознания. Хлопаю ресницами, глупо улыбаюсь и вдруг... проваливаюсь в его обалденные глаза. Они больше не черные — в ярком свете вышедшего из-за туч солнца они мерцают золотыми крапинками и отливают янтарем.

Я и вправду близка к эвакуации души, а Волков растерянно моргает и хватается за воздух. Зрительный контакт прерывается.

— Ты же не думаешь, что я повелся на этот дешевый развод? — криво ухмыляется он и, отпрянув, без стеснения ржет. — Это довольно тупо. Прямо как в мамкиных корейских сериалах. Ходорова, что ты творишь?

— Да пошел ты! — Я изо всей силы бью его кулаком в плечо и, подцепив ремешок сумки, спасаюсь бегством.

Глава 13

Вторые майские выходные я люблю намного больше, чем первые — пусть в календаре их разделяет всего несколько дней, но природа за это время окончательно просыпается, и люди, ощущая терпкие, будоражащие ароматы цветения, впадают в странную эйфорию.

Я встаю рано утром — с воплем петуха и, кутаясь в старую ветровку и выдыхая облачка пара, тащусь в погруженный в предрассветные сумерки палисадник. В клумбах проклюнулись острые стрелки первых всходов и бурно попер сорняк. Влажная из-за недельных дождей земля не нуждается в поливе, но я рыхлю ее и по мере сил избавляю растения от неприятного соседства.

Но, как только из дома Волковых начинают доноситься голоса и шаги, сворачиваю садовые работы и ухожу к себе.

Поплотнее зашториваю окно, заворачиваюсь в плед, устраиваюсь на кровати с ноутбуком и слежу за хороводом зефирок в чашке какао, принесенного мамой. Я снова и снова в красках вспоминаю наш разговор с Ваней — из головы не выходят его жестокие слова о моей подноготной и смеющиеся, сверкающие золотом глаза. По всему выходит, что он — благородный воин, ведущий людей к свободе и свету, а я — глава клана тьмы. Он презирает и осуждает меня и менять свое отношение не собирается.

От засевавшей в груди досады я не могу продышаться, всхлипываю, бесцельно болтаюсь по дому и не нахожу занятий по душе. Бросаю в диалог с Илюхой тупые мемы, и тот отвечает дурацкими смайлами. На выходных Рюмин принудительно задействован в посадке картошки — корячится с тетей Таней на «фазенде» в поле за поселком, однако свободную минутку для меня все же находит, и его поддержка как никогда ценна.

В обед от Илюхи прилетает ссылка на годовичные курсы для абитуриентов, и я готова прыгать до потолка. Ведь эти курсы будут проходить на базе задонского филиала того самого вуза и гарантированно, без дополнительных испытаний, помогут мне поступить на юрфак в областном центре. Вот же оно — серьезное дело с прицелом на будущее, которое требует от меня отец. Правда, есть одно но: курсы стоят немалых денег, и я понятия не имею, понравится ли сей факт моему родителю.

На удивление, спустя пару дней вселенской скорби мама взяла себя в руки — высветлила кончики прядей, выбросила из кладовой старую одежду, а сегодня жарит на кухне свиные ребрышки под кисло-сладким соусом, печет шарлотку и под танцевальные треки из девяностых болтает по телефону с тетей Яной.

Сплетни для местных жителей — своеобразная терапия. Муссируя их, люди на время забывают о том, что собственная жизнь пуста, никчемна или вообще летит коту под хвост.

Сейчас, например, приятельницы с энтузиазмом перебивают кости Марине Волковой, и я, захлопнув ноутбук, превращаюсь в слух.

— Ты же знаешь, Ян, мы едва знакомы: Марина уехала почти сразу после того, как мы с Ромой поженились и начали строить этот дом. С Анной Игнатовной мы хорошо общались, но она не распространялась на эту тему... Да, я недавно заглядывала к ним — поздороваться, навестить. Марина пока и сама не знает, какие у нее планы. Все зависит от состояния матери и от того, как поведет себя Таня. Что? А... Ну, знаешь, я свечку не держала... Мальчишка хорошенький, на Марину очень похож. Жаль только, что неблагополучный.

Я замираю с открытым ртом и с минуту перевариваю услышанное. О чем они? Это Волков-то неблагополучный?

Да он единственный из всех в школе ходит на занятия в костюме с иголки, по памяти цитирует философов девятнадцатого века, заступает за молодняк и в дверях галантно пропускает девчонок вперед.

Хотя его неподвижный, вызывающий оцепенение взгляд и впрямь нехило пугает. Какими бы крутыми ни были Илюха и его товарищи, они так и не осмелились его ломать. А когда кто-то задевает его драгоценную Ингу, он реально начинает смахивать на стремного отморозка.

А, может, он такой и есть?

Лицо расплывается в злорадной улыбке, и я ничего не могу с ней поделать — грехопадение Волкова роднит нас и мажет одним миром. Если наш Ванечка не святой, зачем так старательно под него косит? Неужто боится, что ангелоподобная Бобкова не вынесет горькой правды и пошлет?..

«...Сунься к ней, и будешь иметь дело со мной...»

Звучит многообещающе.

— Сунусь, Волков. Конечно я к ней сунусь!

План созревает молниеносно.

Проигнорировав мамино приглашение к столу, я быстро влезаю в легкий сарафан в желтый цветочек, собираю волосы в хвост и, пробежав по гравию вдоль кирпичной стены внутреннего двора, справляюсь с автоматической створкой гаражных ворот. На полках с инструментами с зимы хранятся аэрозольные баллончики с черной краской — их на новогодние праздники привезли отцовские кореша. Тридцать первого декабря здоровенные мужики пили в сауне водку, с визгом ныряли голышом в снег, а потом нарисовали на листе профнастила мишень и палили по ней из «Сайги».

К моей вящей радости, краска не загустела, шарик при встряхивании издает нежные щелчки. Бобкова живет дворов на десять ниже по улице, в столетней пятистенной избушке, доставшейся от прабабки. Когда-то давно, еще в первом классе, я бывала у них в гостях. Ее мать пекла вкуснейшие пирожки с абрикосовым джемом, пела красивые песни и заплетала Инге умопомрачительные косы, но обстановка в комнатах удручала, пробуждала желание помочь, и я еще долго таскала из дома конфеты для Инги и приставала к маме с расспросами, почему некоторые люди живут вот так.

— Потому что неудачники! — объяснил отец. — Вскидывают лапки и ни черта по жизни не могут. Они сами виноваты. Больше не вздумай с ней дружить, а то и на тебя привычка к нищете перекинется.

Воровато озираясь, я шагаю по узкому, покрытому трещинами тротуару — вокруг выбившихся из плена резинки кудрей порхают белые бабочки, голые щиколотки обжигает молодая крапива.

Дом Бобковых утопает в розоватых облаках цветущих плодовых деревьев, на веревке во дворе сушатся выстиранные вещи, недавно выкрашенный в изумрудный цвет штaketник забора загадочно поблескивает на солнце.

Райская идиллия.

От злости и азарта заходится сердце, трясутся руки и покалывает пятки. Быстро достаю из сумки баллончик и, встряхнув, вывожу поверх свежей зеленой краски крупные яркие буквы:

«Лохушка».

Закончив с вредительством, поднимаюсь на цыпочки, сдергиваю с прищепок Бобковскую олимпийку и, размахнувшись, забрасываю в пыль.

— Ну, давай, ангелочек! Жалуйся своему спасителю. Пусть продемонстрирует истинную сущность!

Глава 14

Я жду последствий весь день: прислушиваюсь к звукам с улицы и шарахаюсь от каждой тени, но ничего не происходит — взбешенный Волков не выбивает дверь с ноги и не врывается в наш дом, не бросает камни в стекла и даже не вызывает меня в палисадник для внушений.

Пристально всматриваюсь в щелку между шторами, но в соседнем дворе тишина — только глупые курицы роют когтистыми лапами землю, хлопают крыльями и поклевывают блестящий поливочный шланг.

Неизвестность тяготит, и я выползаю на звуки попсы девяностых. Мама сидит за столом, нацепив очки, задумчиво перебирает какие-то квитанции, и я, поморщившись, почти до нуля сбавляю громкость.

— Мам, я тут краем уха услышала, что наш новенький — проблемный. Как это понимать? Не пора ли купить шокер и врезать дополнительный замок?

— Да я сама толком ничего не знаю, Лер. Неудобно было расспрашивать. А замки действительно пора врезать, нас ведь теперь некому защищать...

На мамино лицо ложится тень, но мне и без ее страданий тошно и мутно.

Достаю из выдвижного шкафчика вчетверо сложенный пакет, забираю с полочки банковскую карту и ключи и отправляюсь в магазин — я бы не отказалась от плитки темного миндального шоколада и большого латте с карамелью...

Единственный в поселке супермаркет с кофемашиной на входе тоже расположен недалеко от церкви и поезда, но на душе скребут кошки, и я, воровато оглянувшись, спешу к дому Бобковой. Мне позарез нужно разобраться, что в моем утреннем плане пошло не так.

Я расправляю плечи и высоко поднимаю голову, здороваюсь со встречаемыми бабушками, ловлю тоскливый и восторженный взгляд неженатого алкаша Димки, но, поравнявшись с халупой Инги, застываю как вкопанная.

Мокрая и чистая олимпийка висит на веревке у крыльца, а из размороженного послеобеденной жарой сада доносятся тяжелый злой рэп, веселый смех и громкие голоса, перекрикивающие речитатив исполнителя. Осторожно заглядываю в проем между штакетником, и в глазах на секунду темнеет: Ваня и Бобкова шуточно сражаются на малярных валиках с длинными рукоятками, а ее младший брат Вадик катается по двору на старом самокате, комментирует поединок и ведет счет. Судя по всему, в этом раунде по очкам побеждает Инга, и вся троица снова перекрикивает рэпера и звонко хохочет.

Первоначальный шок сменяется досадой и удивлением — мне еще не доводилось видеть Волкова таким довольным, улыбчивым и в доску своим, а тихоня Бобкова... просто не могла интересоваться ничем, кроме тупых мелодрам, средств для стирки сопливых носовых платков и антидепрессантов!

— За дело! — кричит мелкий. Ваня подхватывает ведро с краской и приближается к калитке, и я, чертыхаясь, прячусь за покрытым белой пеной кустом вишни. Запахавшаяся румяная парочка располагается в двух метрах от меня и молча оценивает нанесенный забору ущерб.

— Спасибо, Вань! — отмерев, пищит Инга и обмакивает валик в густую зелень. — Мама бы очень расстроилась, увидев эту надпись. Она вообще сильно расстраивается, когда узнает, что нам в очередной раз прилетело. А у нее сердце... Вадик тоже не сдаст. Я верну тебе деньги, как только перечислят пособие, и мама подкинет нам на карманные расходы.

— Даже не обсуждается! Я догадываюсь, кто и почему оставил тут свою подпись. Так что компенсирую тебе и моральный ущерб. С меня мороженое, окей? Какое ты любишь?

— Фруктовое.

— Отлично. Значит, будет фруктовое! — Он закатывает рукава клетчатой рубашки, берется за валик, и я наконец разбираю фразу, вытатуированную на его предплечье.

«I will never forget you».

Пафосно, загадочно, эффектно... Я усмехаюсь, но еще одна болезненная иголка вонзается в сердце. По циничной насмешке судьбы, такому, как Волков — с тату и темными пятнами в биографии, — я и хотела бы сдаться. А если бы он посвятил эту клятву мне и навечно впечатал ее в свою кожу, я была бы на седьмом небе от счастья.

Черные размашистые буквы на заборе неумолимо скрываются за слоем краски, спустя десять минут уже ничто не напоминает о моей вылазке в стан врага.

— В этом есть и еще один плюс! — Инга отряхивает ладони, смахивает со лба челку и светло улыбается. — Может, я передумаю поступать в вуз и выберу профессию маляра. Тоже полезный и востребованный навык!

— У тебя в любом случае все будет хорошо. Просто никого и ничего не бойся. — Волков шагает к ней, по-братски обнимает и похлопывает по спине, а мою вылезшую на солнышко душу вдруг обжигает крутой кипяток.

Все это время я улавливала исходящую от Волкова взаимность — почти явный интерес, смех в углах губ, слишком резкие отповеди, разговоры, призванные наставить на истинный путь, — и ошибочно принимала за намек. С первого взгляда его черных непроницаемых глаз я уверовала, что он той же породы — решительный, бунтующий, дерзкий, — только сдержаннее и намного сильнее меня. Что он непременно распутает клубок моих противоречий, почувствует и утешит.

Но сейчас я с сокрушительной четкостью осознаю: он с другой, им хорошо вместе. Он выбрал эту ничтожную дрянь и не будет со мной. Никогда.

Из-под ног уезжает земля, а горло першит от бессилия и разъедающей злости. Эти двое — идеальны, счастливы и омерзительны и должны понести наказание!

Отец учил, что нельзя давать спуску обидчикам. И его любимый тост: «Пусть сдохнут те, кто нас не захотел...» — навязчивым рефреном кружится и кружится в гудящей голове.

Глава 15

Я срываюсь с места и быстро ухожу — пролетаю мимо своего огромного мрачного дома, мимо школы, церкви и магазина, продираюсь сквозь покрытые свежей листвой ветви вишни и прошлогодний сухостой и, выбившись из сил, опускаюсь на прогретую солнцем землю у берега. Здесь уютно и тихо — в заводях побулькивает застоявшаяся вода, из-под заболоченных кочек торчат серые пучки осоки, камыши и рогоз. В кружевах черемухи у полуразвалившегося дома заливается трелями одуревший от весны соловей, над головой танцуют и нудят комары.

В груди что-то больно пульсирует, но в мозгах нет ни единой мысли.

Владения старой ведьмы окутаны запустением и не дают признаков жизни, крыльцо низенькой бани завалено выцветшим мусором, алюминиевыми банками и выгоревшими на солнце бычками. Но хозяйка точно где-то здесь — может, смотрит в окно или зловеще выглядывает из-за угла.

В поселке ходит легенда, что в молодости она была первой красавицей и очень любила сына председателя. Парень женился на другой, а она не вынесла отказа и стала ведьмой — видит людей насквозь и может проклясть одним словом. Однако местные слухи я всегда делю на десять — может, старуха реально ведьма, но давно выжившая из ума.

Прошлой зимой долго стояли двадцатиградусные морозы, и нам с ребятами некуда было пойти. В один из вторников, когда меня одолело особенно тухлое настроение, я решила снова доказать миру, что самая крутая, и предложила Илюхе и его товарищам вписаться у ведьмы. Мы вломились в ее баню, расселись по лавкам и полатам, открыли бутылки, но в самый разгар веселья проклятая бабка явилась и что-то зашептала себе под нос. Все онемели от испуга, но я быстро взяла себя в руки — рассмеялась и громко провозгласила, что являюсь местной королевой, и отныне мы всегда будем здесь тусоваться.

Услышав это, ведьма зашамкала, что я не королева, потому что слабая и злая.

— Злая, злая... — Она ушла, а я вознеслась в глазах ребят на недостижимую высоту. Тогда это казалось важным достижением, а теперь...

Я знаю, что вряд ли выберусь отсюда дальше Задонска и едва ли составлю конкуренцию девчонкам из столиц. Меня никто никогда не полюбит и не расскажет, в чем истинный смысл. И посмотреть на себя со стороны не получалось, пока с неба не упал чертов прищелец Волков.

Потому что я, совсем как эти озверевшие полосатые комары, причиняю лишь вред, меняюсь под воздействием сил природы, летаю по воздуху, не ощущаю опоры и очень скоро исчезну. Я не помню, всегда ли была такой никчемной, не понимаю, хочу ли ею оставаться, не осознаю своего предназначения. Попить крови, породить такое же злобное и растерянное потомство и сгинуть без следа?.. Нет, не хочу, и меня оглушает приступ первобытного, черного, липкого ужаса.

Воспоминания — давно забытые, но живые и яркие, — бесконтрольно лезут наружу.

В детстве мне нравились майские дожди и особенное, трепетное состояние обновления после них. Эхо крика кукушки, зовущее за собой. Шум далекого поезда в туманном утре. Пятнистое плюшевое пузо котенка, старательно грызущего перо с бубенчиком. Золото пылинок, мерцающих в солнечном луче.

Что-то в груди давит и давит, но в подсознании вспыхивают ассоциации с глазами Вани, и боль заливает густой, заживляющий, сладкий сироп.

Когда же все пошло не так?

Тени удлиняются, небо алеет у горизонта, на луга за школьным садом ложится еле заметный розовый газ. Чуть дальше, за спокойной гладью большой воды, грозной черной толпой

стоят сосны, но там, в самой гуще хвойного леса, есть поляна, где растут диковинные кустарники и звенят родники, а в маленьком, прозрачном как стекло озере плавают юркие пескари.

Однажды, когда мне было пять, папа взял у местного рыбака лодку напрокат, сел на весла и перевез нас с мамой на тот берег. Он смешно и бодро рассказывал, что еще пацаном любил бывать на той волшебной поляне, хотя и получал за это от деда. Тогда было невероятное время — родители почти не скандалили и по-другому, с нежностью, друг на друга смотрели. Расположившись на мягких покрывалах, мама, папа и я жарили шашлыки, играли в мяч и хохотали.

Больше мы ни разу там не были, повседневность вырулила на иные рельсы, и счастливая девочка Лера навсегда осталась на той поляне.

Когда-нибудь я смогу доплыть и оттуда ее забрать...

Илья знает эту легенду и хотел мне помочь с переправой, но я отказалась — под предлогом того, что потом он наведет туда кучу народа и все испортит. Но истинные причины были иными — я попросту не желаю разделять с ним мое волшебное место, а еще — боюсь разочароваться, не обнаружив там сказки.

Как по наитию, Рюмин настойчиво звонит и тяжело дышит в трубку:

— Лер, привет! Ты где сейчас?

— Возле ведьмы. Захотелось побыть в тишине, мамыны хиты девяностых уже в печенках сидят. Ну как, разделался с картошкой?

— Ага. Устал как собака. Мать тоже вынесла все мозги. Можно я приду?

— Конечно. Давай!

Хоть Илюха и живет на верхнем порядке, через двадцать минут предстает передо мной — в просторной черной футболке, свободных джинсах по щиколотку и в пыльных кедах. Влажные кудряшки над сбритыми висками миленько вьются, от него пахнет дымом, морским гелем для душа и березовыми распаренными листьями.

Рюмин отбрасывает в кусты окурки, выдыхает дым, пялится на меня, и я переключаю внимание на солнечные блики на воде.

Вообще-то, до появления Волкова любая девчонка в поселке была готова умереть за один лишь такой взгляд Илюхи, но на меня он раньше не действовал. Теперь же мне приходится мучительно подбирать слова и притворяться, что все нормально.

Илюха садится на траву, и я, стяхнув неловкость, первой нарушаю звенящую предзакатную тишину:

— Как концерт? Наверное, я многое потеряла, пропустив это шоу.

— Правильно сделала, что не пошла! Бобкова там всех покорила — какой-то отрывок зачитывала, под гитару пела. Раису даже на слезы пробило. А в целом — концерт как концерт. Скучно. Странно только, что этого слизняка не задействовали — мог бы стишок с выражением рассказать. Или вприсядку сплясать.

Я утаиваю от лучшего друга, что в тот момент Волков был со мной, вполне мирно беседовал, и от его близости выпрыгивало сердце...

Солнце краснеет, распухает и стремительно катится к кромке воды, расцветает на ней дорожкой кровавых разводов и гаснет. Холодает, сгущаются сумерки, над беседкой и лавочками загорается одинокий фонарь.

Разговор сам вырвал к Волкову, и я перехожу к животрепещущей теме:

— Говорят, он неблагополучный. Не знаешь почему?

Илюха сплевывает и недобро усмехается:

— Не-а. Скорее всего, гнилая сущность мамаша наружу полезла! Яблоко от яблони. Сама понимаешь: эта тварь чуть не увела моего отца из семьи и едва не угробила маму. Наговорила ей всякого, и маму в реанимацию увезли — а она тогда была на пятом месяце! Считаю, я тоже чуть не умер. Из-за Маринушки папаша начал пить и в итоге разбился. Из-за нее все наши беды. Только зажили спокойно — на тебе, приперлась, улыбается, хоть в глаза плюй. И сынка

своего притащила. В курсе, что мелкие, хуторские и задроты из девятого отказались платить нам бабло? Так их этот тип взбаламутил — сказал, что это вымогательство и за такое сажают. Велел, если что, нас на видео записывать. И пофиг, что в поселке так заведено: я тоже в свое время дань старшкам отдавал, и жаловаться мамке было запаadlo. Традиция есть традиция!

Рюмин распаляется, его щеки бледнеют от ярости, а я все сильнее и глубже вязну в отравленном сладком сиропе — мы сейчас говорим о Ване...

— Лер, ты меня слышишь? — Илюха толкает меня в плечо, и я дергаюсь от испуга. — Зря ты его жалеешь! Еще раз предупреждаю: он не столько за Бобкову впрягается, сколько тебя урывает. Мы с пацанами после праздника с ним перетрем — не только мне хочется почесать кулаки об его подлую рожу. Мамашка в прошлом тут гадила, он — продолжает ее дело. Не надейся, Лер: они у нас надолго и еще всех до ручки доведут. Сам видел, как они обустриваются... С этим нужно что-то делать, разве нет?

Я вовсе не уверена, что придирки Илюхи к Волкову справедливы, но идиллическая картинка их общения с Ингой досадным наваждением встает перед глазами, и пальцы предательски дрожат. Пора с корнями вырывать подонка Волкова из сердца и закрывать эту позорную страницу моей биографии.

— Все, Илюх, пошли! — Я решительно вскакиваю, и тот ошалело моргает:

— Куда?

— Подпортим им благоустройство участка.

— Ты че, я не буду Брунгильде вредить. А если люди узнают? — Илюха вот-вот сольется, но я применяю запрещенный прием: наклоняюсь так, что декольте оказывается прямо перед его носом, и с придыханием мурлычу:

— Никто не узнает, Илюх, не трусь. Брунгильда после удара ни черта не понимает, так что досадим мы не ей, а Маринушке. Ну и Волкову.

Глава 16

Будильник в телефоне просыпается в несусветную рань, истерично жужжит и трясется в конвульсиях, и я готова швырнуть его в стену — радует только, что сегодня среда, и рабочая неделя скоро закончится.

Сладко потягиваюсь, продираю глаза и охаю — мышцы болят, как после изнурительной тренировки, в груди тяжело от недосыпа, мутного страха и стыда.

Мы сбежали с места преступления незамеченными, без происшествий разошлись по домам, но под утро на улице громко плакала тетя Марина, и на шторах спальни вспыхивали голубые отсветы проблескового маячка. В полной уверенности, что по нашу душу приехали из полиции, я зажмурилась и накрылась с головой одеялом, однако неприятностей так и не дождалась и крепко уснула.

Взбесившийся телефон со стуком падает из рук, и я, чертыхаясь, лезу за ним под кровать. Отключая будильник, сажусь и, подтянув колени к подбородку, долго пялюсь в одну точку.

Мама заглядывает в комнату и осторожно интересуется:

— Ты во сколько вчера домой пришла?

— В десять, — как ни в чем не бывало вру я. — Что-то случилось? К соседям что, полиция приезжала?

Мне действительно позарез нужна актуальная информация — чтобы знать, к чему готовиться и какую складную версию событий подкинуть Илюхе.

— Нет, скорая. Волковым кто-то теплицу сломал и вытоптал всю рассаду. Анне Игнатовне стало плохо — она с зимы проращивала на подоконниках семена сортовых томатов, но, как видишь, слегла. Марина с Ваней установили ее кровать возле окна, так, чтобы она видела теплицу и радовалась. Она первой и заметила это безобразие, когда рассвело... Хорошо, что фельдшер попался толковый, стабилизировал ей давление, и госпитализация не потребовалась. Жуть. Давненько у нас в поселке такого не было!.. Это явно залетные отморозки натворили.

От облегчения, что полиция нас не ищет, накатывает волна одуряющей слабости, но вдохнуть полной грудью не получается, и веки щиплет от слез.

— Интересно, а Илья ничего не видел? — продолжает донимать мама, и я некстати замечаю, что она плохо выглядит — глаза опухли, под ними пролегли болезненные темные круги.

— Илья весь вечер был со мной на берегу — семечки грызли, болтали. Проводил меня и сразу пошел домой. Ему тетя Таня даже смотреть в сторону Волковых запретила, поэтому — вряд ли.

Мама верит — ее взгляд проясняется, краска отливает от впалых щек. Она велит мне не залеживаться и приглашает к завтраку, и я, сохраняя олимпийское спокойствие, забираю со стула перепачканное землей платье, прикрываю его полотенцем и тащусь в душ. Быстро чищу зубы и умываюсь, но тщательно отстирываю подол и рукава и сушу их феном.

Меня трясет.

Подговорив Илюху позлить Волкова, я и предположить не могла, что наша проделка зайдет настолько далеко. Сначала мы собирались выпустить из сарая куриц и раскидать по двору садовый инвентарь, но Илюха, в очередной раз припомнив трагическую историю своей семьи, пробрался в теплицу и принялся вдохновенно громить полки и переворачивать ящики с подготовленной к высадке рассадой. Глядя на его резкие, точные движения, я тоже вошла в раж — привиделось до ломоты в зубах идеальное лицо Вани, его отмороженные, обжигающие презрением глаза, а еще — радостная, подозрительно красивая Бобкова в его объятиях. Он не позволил ей унизиться и собрать разбросанные мною вещи, он за нее заступился, так пусть теперь пострадает!..

Только Рюмин со мной и в горе и в радости, он — мой самый близкий друг, и я не должна об этом забывать!..

Мы немного увлеклись — взявшись за руки, устроили дикие танцы на грядках, а потом Илюха споткнулся, завалился на бок, с грохотом обрушил всю конструкцию теплицы, и мы стремглав сбежали, перемахнув через забор.

Черт знает что. Я не пила, но, кажется, страдаю от ужасного похмелья и даже свое отражение в зеркале не узнаю.

Неловко натягиваю джинсы и изумрудную водолазку и волоку себя на кухню — аппетита нет, но спорить с мамой себе дороже. Она уже развернула бурную деятельность — орудует миксером, улыбается, наливает мне чай. Но долго создавать видимость благополучия не получается — мама роняет вилку, забывает вовремя перевернуть оладьи, добавляет в свой кофе соль вместо сахара.

— Мам, я правда ни при чем... — заверяю я, избегая встречаться с ней глазами, но она бесцветным голосом поясняет:

— Дело не в тебе. Просто... Вчера от отца не пришел перевод. Видимо, Кристинка накрутила, и он отменил автоплатеж... Мне пришлось отдать за коммуналку всю наличку, и деньги закончились. Позвони ему, Лер.

— Не хочу.

— Звони, я сказала, или мы с голодухи помрем! — рявкает мама.

Я закипаю от негодования и упрямо цежу сквозь зубы:

— Даже если бы хотела — он ни копейки мне не даст, только разозлится и начнет орать. Потому что я — его позор, и мне нечем его умаслить!

Я на взводе и изо всех сил бодрюсь, хотя последние новости изрядно подкосили — жизнь на всех парах летит под откос, рушится и песком утекает сквозь пальцы. Каждое мое действие влечет противодействие, и я больше ни на что не могу повлиять.

Хмурый Илюха, ссутулившись и набросив на башку капюшон черного худи, стоит у калитки. Считаю в его неподвижном взгляде намерение отпираться до последнего и коротко киваю — в общении мы частенько обходимся без слов.

Ну а если мы не причастны к ночному хулиганству, значит, бояться нам нечего!..

Весь путь до школы мы с Рюминым развязно позируем для его видео, раздаем друг другу звонкие затрешины, играем в салки и чересчур громко хохочем. Теперь, несмотря на засевшее в желудке ощущение грязи и гнили, я уже не могу сказать точно, что мы сделали нарочно, а что — нет, и внутренне готова смириться с уничтожающими проповедями Волкова на тему моей никчемной натуры.

Но от перспективы встретиться с ним подкашиваются коленки, а сердце колотится о ребра и хлюпает, как размякший бисквит.

Широко скалясь, вышагиваю рядом с Илюхой через весь холл и незаметно озираюсь по сторонам. В спертом воздухе витает почти осязаемое напряжение — пространство вокруг искрит и пощелкивает от надвигающейся грозы. Войдя в класс, я первым делом смотрю на парту Волкова, но ни его, ни Инги не обнаруживаю и, выдохнув, приветливо машу ребятам — те подобострастно кивают, однако несколько человек, в том числе и Катя Петрова, игнорируют мое приветствие и низко опускают головы.

Я уже готова рвать и метать, натравить на несогласных верного Илюху, но в класс вбегает запыхавшаяся Раиса, и за ее спиной в проем тихонько проскальзывает Инга.

— Ребятушки, сегодня произошел вопиющий случай! — дождавшись, когда смолкнет гул, траурным голосом объявляет класснуха и нервно тербит верхнюю пуговицу пиджака. —

Кто-то проник во двор Анны Игнатовны и учинил там погром! Я верю, что никто из вас не способен на подобную низость, но если вы что-то видели или слышали — расскажите!

Повисает гробовая тишина, только люмены натужно гудят под потолком, и весенний ветер шумит в приоткрытой раме. Вдоль позвоночника ползет озноб, и я едва не переламываю стиснутый пальцами карандаш.

— Получается, никто ничего не знает? — Раиса смотрит в пустоту поверх наших макушек — Инга, а сам Ваня что говорит?

— Говорит, что ничего не видел... — пищит Бобкова. — И предположений у него нет. Они с мамой не будут раздувать скандал и искать виноватых. Ваня уверен: негодяи сами себя накажут.

Илюха оглядывается и торжествующе подмигивает, но мне становится еще беспокойнее и гаже. Фразы Волкова, переданные Ингой, прозвучали как послание именно нам.

Раиса Вячеславовна опускается на стул и тяжело вздыхает:

— Ладно, ребята. Перейдем к уроку... Но сначала небольшое объявление. Н-ский госуниверситет приглашает вас принять участие в конкурсе. Победитель получит возможность целый год бесплатно посещать курсы довузовской подготовки в Задонском филиале, что гарантирует дальнейшее зачисление на бюджет! Конкурс пройдет в форме тестирования по курсу обществознания, квота — одно место от одной сельской школы. Подавайте заявки на участие, не стесняйтесь. Я знаю, что наша Лера, например, хочет стать юристом, и это отличный шанс!

Я сижу как на иголках и не верю собственному счастью — неужели в череде невзгод и проблем жизнь наконец повернулась ко мне лицом?

После третьего урока мы, окончательно уверовав в свою безнаказанность, как в старые добрые времена тусуемся у ржавых турников. Илюха и Ринат пытаются отжать деньги у загнанного в угол Карманова, однако тот отказывается платить и резво убегает, а я, призвав на помощь все свое самообладание, набиваю отцу эсэмэс:

«Пап, привет, очень занят? Как твои дела? Ты забыл про перевод, пап. Нам вчера чуть газ не отключили».

Проходит минута, три, десять, звенит звонок, начинается алгебра... Я достаю телефон и, спрятав его под партой, снова пишу:

«Пап, я сделала, как ты просил. Поступлю на бесплатные курсы в Задонске, а в следующем году пройду в универ на бюджетное место. Он находится совсем недалеко от твоего дома — я на карте смотрела. И то и другое — дело решенное. Я молодец?»

Ответ от отца прилетает только после шестого урока:

«Молоток, Валерка. Моя девчонка».

Тренькает уведомление мобильного банка, и я, еле сдерживая рыдания, вешаю на плечо сумку и выбегаю из класса. Одобрение отца — как явление Деда Мороза с приклеенной бородой, как мираж для застрявшего в пустыне путешественника, как радужный мыльный пузырь, улетающий в облака...

Я шмыгаю носом, стираю костяшками слезы и, растолкав замешкавшуюся в дверях малышню, спешу домой.

Рюмин догоняет меня возле поезда и ловко ловит за ремень:

— Лер, подожди, я тебя провожу!

— Ты чего такой смурной? — оценив выражение его физиономии, на всякий случай интересуюсь я. — Вроде бы мы с тобой легко отделались и избежали прилюдной казни.

— Мать звонила... — Он перехватывает мой локоть и доверительно шепчет: — В общем, утром эта стерва Маринушка приходила к ней прямо на работу, и они сцепились. Маринушка

орала, что Игнатовна слегла по вине нашей семьи и что ее ублюдок якобы видел, как я вчера перелезал через забор, но благородно решил промолчать. Ни фига он не видел и не мог — тьма была хоть глаз коли. Они просто ищут повод наехать на маму... Я не спущу им этого, Лер. Табло этому гаду расшибу. Пусть только появится в школе.

Я отстраняюсь и, проглотив холодный скользкий ком, хриплю:

— Может, не надо, Илюх? Проблема решена, ясно, что они ничего не докажут, а Волков просто набивает себе цену. Если бы он реально тебя видел, он запалил бы и меня, но обо мне он не упомянул. Он — пустое место, не марайся!

Илюха принимает мой совет к сведению, меняет гнев на милость и криво усмехается:

— Ладно, не в этот раз, но — до первого косяка. Кстати, забыл сказать. Прикинь, ушлепок этот еще и на учете в ментовке состоит. Кого-то избил в своей Москве, и его выперли из школы. Так что внучок у Брунгильды, хоть и строит из себя праведника, на самом деле не лучше, чем мы.

Глава 17

Пулей пролетев мимо соседского забора, вбегаю в наш просторный двор, захлопываю калитку, прячусь в доме и перевожу дух.

Я все испортила — вдребезги, в клочья... Скорее всего, Волков меня все же видел, но по каким-то причинам прикрыл, и я больше никогда не смогу без страха и стыда посмотреть в его глаза.

Осознание холодным шоком мечется под ребрами, отравляет кровь и тяжеленным камнем давит на плечи. Если бы можно было повернуть время вспять, я бы ни за что не сунулась в их двор!

Производя в прихожей неимоверный шум, разубаюсь, заглядываю в притихшие комнаты, но они пусты — мама ушла к гадкой тете Яне жаловаться на превратности судьбы, а папаша, должно быть, сейчас беспрестанно икает в своей шикарной квартире и прикладывает к пылающим ушам ледяные компрессы.

Переодеваюсь в длинную домашнюю футболку, перевожу маме большую часть денег и вздыхаю — она могла бы перестать от него зависеть, но ни разу не предпринимала попыток что-либо изменить.

Тетя Таня Рюмина умудряется содержать дом, работать в администрации и растить Илюху; даже мамаша Инги, невзирая на больное сердце, тащит на себе двоих детей и художнико-справляется. Моя же ради престижного статуса благополучной, богатой и замужней женщины угодливо поддакивает отцу и не решается взять на себя ответственность. Тот опасается, что я вырасту такой же слабачкой и приспособленкой, прививает мне навыки бойцового пса и частенько перегибает палку. Но маме пофиг, ведь он всегда заглаживал инциденты деньгами.

Мне до чертиков надоело воевать со всем миром ради их одобрения. Они сами понятия не имеют о долге или любви.

Перехватив на кухне еще теплый пирожок и яблочный сок в картонной пачке, ухажу к себе и разваливаюсь с ноутом на кровати.

Первым делом я лезу на сайт Задонского филиала гуманитарного вуза и заполняю заявку на участие в конкурсе. Средний балл по всем предметам — 5,0, победы в школьных олимпиадах, активное участие в общественной жизни и спортивных соревнованиях... Правда, только в пределах Соснового — больше я никуда не выезжала. Но я искренне верю, что все получится, и разыгравшееся воображение рисует идиллические картины будущего: я, несколько лет спустя, вручаю отцу диплом юриста и снова достаиваюсь его похвалы. Он бросает свою Кристинку и действительно доверяет мне ведение бизнеса...

Но душу подтачивает назойливый червь — этого не случится, даже если я закончу Сорбонну и защищу докторскую на тему финансовых махинаций и безопасного ухода от налогов.

Я захлопываю ноутбук и вздыхаю. Мысли возвращаются ко вчерашнему инциденту, настороженным взглядам ребят из класса и недавнему разговору с Илюхой.

Волкова исключили из школы, потому что он кого-то избил...

Это известие оглушает, хотя и не особо удивляет. Подспудно я всегда знала, что Ваня может постоять за себя или ударить обидчика первым. Его московское прошлое не дает покоя — будоражит, интригует, пугает, изводит... Плотнее задергиваю шторы, вбиваю в поисковик его фамилию и имя, однако результатов поиска набирается на несколько страниц, и упоминаний о нужном мне парне среди них не находится.

Еще до майских, когда Волков только появился в нашей школе и свел всех девчонок с ума, те шептались про его страницу в ВК, и особенно умилялась Петрова. Та самая Петрова, которой я одалживала шмотки и парфюм для поездок в Задонск и которая демонстративно проигнорировала меня этим утром.

Если обращаюсь к ней за помощью, у девочек появится новый повод для сплетен, впрочем, я никогда не опускалась до обоснования причин своих поступков.

Заношу пальцы над клавиатурой и стремительно пишу:

«Кать, привет. Поделись координатами страницы Волкова».

«Привет! Зачем тебе это?» — тут же интересуется язва Петрова, но я быстро нахожусь с ответом:

«Собираю на него компромат. Зачем же еще?»

«Не найдешь», — отзывается Катя и надолго выходит из диалога.

Никто не догадывается, как тяжело мне дается мой фирменный пофигизм — я успеваю сгрызть покрытие с двух ни в чем не повинных ногтей, прежде чем Петрова скидывает мне нужную ссылку.

Мгновенно кликаю по ней и с нетерпением ожидаю, когда полностью прогрузится страница. Я опять вторгаюсь на чужую территорию и понятия не имею, какие сюрпризы преподнесет мне эта рискованная вылазка.

...Аккаунт Волкова заброшен около года назад, в нем много музыки — нашего и зарубежного постпанка и того самого злого, агрессивного рэпа, а еще — несколько десятков черно-белых фотографий на фоне многоэтажных безликих панелек, зловещих труб и исполинских градилен, исписанных бранью бетонных стен и ржавых рельсов, убегających за горизонт.

Зазеркалье, другой мир, пугающий сон...

Комментарии на странице запрещены, но у постов десятки тысяч просмотров, хотя Ваня даже близко не блогер и не какая-то известная личность.

Здесь он совершенно другой — стрижка короче, улыбка шире. Плечи расслаблены, взгляд устремлен в мечты. На нем худи и футболки со смешными принтами, драные джинсы и кеды. На нескольких кадрах с самыми запредельными показателями активности он бережно и нежно обнимает стройную девчонку в кружевном черном платье и любит ее, словно сокровищем или божеством.

Я запиваю обжигающую досаду кислым соком, барабаню поврежденным маникюром по пластику ноутбука и трясую головой.

Подумаешь: девчонка как девчонка. Таких — с вызывающим броским макияжем, в странной одежде и с пирсингом в носу — у нас не любят и презрительно называют неформалами. Вернее, в Сосновом их нет как явления, а редкие уникамы Задонска сбиваются в стаи, не подпускают к себе посторонних, а после окончания школы уезжают в областной центр или в ту же Москву.

Я и подумать не могла, что Волкова тянет к депрессивным позеркам, но в эту он был по уши влюблен.

Он любил ее, это совершенно точно...

Я потрясена, разбита и выведена из равновесия — обхватываю себя слабыми руками и шумно дышу. Сувенирный фарфоровый эльф, купленный мной еще в пятом классе, с сожалением мне улыбается, но он слишком похож на Ваню, и я отворачиваю его к окну.

В просвет между шторами проникает яркий солнечный луч, я прищуриваюсь и вдруг икаю от озарения. Пусть Волков когда-то любил ту странную девчонку, но в его взгляде на Ингу Бобкову нет даже сотой доли такого трепета и тепла!..

Глава 18

Мерзкий занудный дождь за кухонным окном созвучен с моим настроением — я не выпалась, болит голова, приготовленная мамой еда не лезет в глотку.

Ваня оказался живым человеком, со схожими интересами и интригующей историей, а еще он меня прикрыл. Почему?..

Я теряюсь в догадках, и вина, словно вирус, разрастается и курсирует по телу, все сильнее усугубляя мою разбитость.

Вижу свои опухшие темные глаза в отражении обеденного стола, но прихорашиваться не тянет — я бы предпочла незамеченной просочиться в класс, без происшествий добраться до парты, до конца занятий прилипнуть к стулу и не отвечивать.

Закинув в сумку учебники и тетрадки, под горло застегиваю толстовку, прячу буйную шевелюру под капюшоном и вываливаюсь в темный коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.